

Сергей Горбачёв

Выйти замуж за Микки Мауса

Роман

Сергей Горбачев

Выйти замуж за Микки Мауса

«Издательские решения»

2015

Горбачев С.

Выйти замуж за Микки Мауса / С. Горбачев — «Издательские решения», 2015

Секс, наркотики, рок-н-ролл! – обычная история начинающего музыканта, которого настигает первый успех. Но оживает старая городская легенда. Главная героиня по имени Злата, музыкант и одновременно «черный археолог», находит в армянском монастыре казну Запорожской Сечи. Мечта сбывается, но меняется всё. Даже музыка...

Содержание

Часть 1.	6
Глава 1.	6
Глава 2.	13
Глава 3.	19
Глава 4.	26
Глава 5.	35
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Выйти замуж за Микки Мауса

Роман

Сергей Горбачёв

© Сергей Горбачёв, 2015

© Светлана Горбачёва, дизайн обложки, 2015

© Виктор Погонцев, фотографии, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Часть 1. Мечта

Глава 1. Панк-девица

* * *

Речной трамвайчик неспешно пересекал фарватер, приближаясь к левому берегу Дона. Давным-давно, лет пятьдесят назад, когда это незамысловатое судёнышко только спустили на воду, целая флотилия белоснежных катеров курсировала вдоль Ростова, развозя жителей прибрежных улиц по городским причалам.

А сейчас остался один этот катер с большими чёрными буквами ПС и номером 19 на борту, да и маршрут его резко сократился. Уже давно не тянулся он вдоль всего города, а лишь раз в час переправлял страждущих с пристани судоремонтного завода «Красный моряк», к которому был приписан, на правый берег к причалу со смешным названием Кошкино.

Каждую весну катер латали и красили всё той же белоснежной краской. Но за полвека уже столько её слоев принял он на грудь, что словно белая морщинистая паутина покрыла борта и рубку. А может это и не растрескавшаяся краска была вовсе, может это треснуло само время, случайно сохранив судёнышко, как привет из прошлого.

Кондуктор Мария Ивановна, или Марьванна, как все её звали, тоже была из прошлого. Никто не задумывался, сколько ей лет, но все годы, что ходил по Дону этот ПС-19, проверяла и обилечивала пассажиров только она. Смуглая до черноты от южного солнца, в своем вечном выгоревшем платочке, сухонькая, но боевая и строгая, гроза всех мальчишек, норотивших бесплатно переправиться на песчаную косу левого берега, она была символом, как этого катера, так и ушедшего времени.

– Глянь-ка, Клавдия, срамота-то какая, – подсев на свободное место рядом с пожилой тёткой, кондуктор кивнула на молодую девицу лет двадцати, что одиноко стояла на носу катера и задумчиво курила, глядя куда-то вверх, сквозь небо. – Мышу наколола, тьфу!

Стоптаные сланцы на длинных загорелых ногах, короткие шорты из синих обрезанных джинсов и белый топик, из-под бретельки которого на правой лопатке весело подмигивал вытатуированный Микки Маус. Вся её одежда, слишком сильный для начала июня загар, выбеленные солнцем пряди волос, большие солнцезащитные очки на пол-лица, ну и, конечно же, независимая поза, ясно давали понять, что девица из «прибрежного» молодняка. Единственным отличием которого от остальных ростовчан было то, что большую часть свободного времени с мая по октябрь, они проводили на реке.

– Всё привыкнуть я не могу, как девки сейчас открыто курят, ни стыда ни совести... – ворчала Марьванна.

– Да ладно тебе, Маня, мы ведь такими же были, – добродушно ответила на правах давней подруги тётка Клавдия.

– Тю! Сдурела, Клавка, когда мы себе такое позволяли?! – Марьванна так искренне изумилась, что тётка Клавдия рассмеялась.

– Ну, за клубом шиферного завода, например, ещё и не то позволяли, помнишь-то? Когда Вовка Найда из-за тебя с каким-то старшеклассником подрался? – не сдавалась она.

– Тю на тебя, Клавка, да разве ж это можно сравнивать?! – даже привстала от возмущения Марьванна. – Ну пыхнули с пацанами косячок разок-другой, что тут такого, никто ведь не прознал. А чтоб вот так вот, на людях смолить сигарки?! Сроду такого у нас не было!

Катер уже подходил к «Красному моряку», поэтому Марьванна, подобрав швартовый конец, перешла к левому борту, ожидая, когда он сравняется с пристанью.

А вот девица ждать не стала. Отщёлкнув по длинной дуге окурков в воду, она проводила его взглядом, и, подхватив с лавки маленький кожаный рюкзачок, быстро подошла и спрыгнула на берег через метровую расщелину, что сужаясь, билась потемневшей водой меж бортом катера и склизкими сваями причала. И этим окончательно вывела из себя Марьванну.

– Ещё раз так сиганёшь, обратно с пляжу вплавь вертаться будешь! – сердито бросила кондуктор в портрет Микки Мауса, внутренне приготовившись к перебранке. Молодёжь ведь пошла такая, что не дай Бог! – никакого уважения к старшим.

Но девица даже не обернулась. Поднявшись на пирс, она закинула рюкзачок за спину и свернула влево, оставляя за собой дикий пляж, на серо-песчаную отмель которого устремилось большинство её попутчиков. Поздоровавшись с дедом из охраны, что дремал в своей будке на пирсе, она пошла вдоль причальной стенки завода к пришвартованному невдалеке теплоходу «Адмирал Лунин», с верхней палубы которого нёсся ей навстречу протяжный крик Рыжего:

– Румыыыыын, Златка приехала! Спускай трап, пока не началось!

* * *

Румын, Злата и Рыжий – не просто друзья детства, выросшие в одном дворе Портовой улицы, а ещё и партнёры. И не какое-нибудь «купи-продай» греет их студенческие души, а самая настоящая рок-группа «Архиблэк». Название Златка придумала – эта её привычка играть словами частенько достаёт, но на этот раз удачно вышло. Нет, ну сами подумайте, не называть же группу «Чёрный археолог», как попервой предложил Ромка по прозвищу Румын, только потому, что они с детства в земле ковыряются, гоняясь за тем, что Златка назначила целью своей жизни.

Идею наложить музыку на их стихийное увлечение археологией предложил Сашка Рыжов, он же Рыжий, два года назад, когда копеечной вузовской стипендии и карманных денег от родителей стало явно не хватать на все их поиски. И хотя Рыжий был единственным из друзей, кто не посещал в свое время детскую музыкальную школу, но именно он, подслушав случайно разговор своего крёстного, директора ресторана «Эльдорадо», о гонорарах местных лабухов¹, сразу вспомнил о Златкиных стихах, Ромкиных гитарах и своей дикой страсти бить в старые барабаны в отцовском гараже.

– Ты что, Рыжий, дурак? – изумлённо уставилась на него Злата. – Какие, нафиг, стихи в кабаках, какие барабаны? Там или «Левый, левый берег Дона» заунывно тянуть надо, либо шансон веером раскладывать, либо казачью плясовую заводить. Это же Ростов, тут понты дороже денег. А на настоящую музыку в этом городе денег нет! – категорично отрезала она словами своего педагога по вокалу из музыкальной школы. – Петь шансон я не буду, так что отвали, Сашка, дурная затея...

Обхаживали они её долго. Ромке вот сразу понравилась Сашкина идея собрать собственную музыкальную группу. А не обхаживать Златку не могли, ибо уж так повелось в их троице, что с детства верховодила всем она, удивительным образом сочетая в себе умеренные таланты в самых разных областях (от стихосложения и музыки до живописи) с неумеренным ростовским характером – вспыльчивым и нахальным в своей непробиваемой самоуверенности. Наверное, эта самоуверенность и перетянула в конце концов. Как всегда, впрочем.

Её условия были просты, но категоричны: репертуар подбирает только она, а не директор ресторана, первый просмотр должен быть живым, то есть перед публикой, и не меньше трёх песен. Как Сашка смог уговорить крёстного на эту авантюру, известно только им двоим. Но как бы то ни было, отхохотавшись, тот согласился:

– Ну и наглый же у меня племяш вырос... Толк будет из тебя, пацан, ты и мёртвого уговоришь, – довольно хлопнул он по плечу Сашку. – Приводи свою цацу через две недели, посмотрим, что за птица, какого полёта...

Ромка давно уже отстроил гитары и теперь лишь изредка касался их, снова и снова проверяя себя, вплетая приглушённый звук струны в ровный, ничего не подозревающий гвалт голов, звяканья посуды и прочего шума, что издаёт толпа людей, отдыхающая тёплым южным вечером в своё удовольствие. Ромка перебирал струны с внешне невозмутимым видом, словно делал это перед публикой не первый раз, и понять, напускная эта бравада или нет, было невозможно: большие тёмные очки скрывали эмоции и те быстрые взгляды, что бросал он на свою двоюродную тётку – главного редактора одной из ростовских газет – которую втайне от друзей пригласил на премьеру.

¹ **Лабух** (муз. сленг) – уничижительно-ироническое прозвище музыканта, играющего в ресторане.

Очки были и у Рыжего (Златкина идея), но если от стороннего взгляда они что-то и скрывали, то внутренне Сашка был натянут почище Ромкиной струны. Страх душил, словно и не было двух недель постоянных, сутки напролёт репетиций.

– Румын проклятый, сидит как вкопанный, хоть бы повернулся ко мне, дал знак, что всё в порядке, – неожиданно разозлился он на Ромку.

Впрочем, это была старая его привычка – злиться на друга, словно он, а не Златка расписала каждому свою роль. Злиться на Злату как-то не получалось. Ей можно было лишь верить. Ведь это только она может так спокойно сидеть уже десять минут на высоком табурете в середине маленькой эстрады в центре ресторана, глядя сквозь публику, словно была здесь совершенно одна. Словно не разглядывали все эту надпись «FUCK let's ROCK!», что выпрыгивала белой кляксой с их чёрных маек, которые она сама и расписала.

В зале наконец-то появился директор, и Сашка трижды, как они и условились, задыхаясь от страха, стукнул палочками друг о друга, подавая ей знак. Она обернулась, и, улыбнувшись одними глазами, чуть заметно подмигнула, мол, начинай.

Оглушительное двухминутное соло, что выдал Рыжий на малой ударной установке, в которой не хватало бочки, но зато был отличный рабочий барабан, том, альт и две тарелки, взъерошило уютный вечер, расслабленную публику и, конечно же, его крёстного, который, как был уверен Сашка, тут же пожалел о своей доброте душевной. Но всё-таки права была Злата с этим соло. Весь свой ужас выплеснул Сашка на барабаны, компенсируя недостаток мастерства неистовым ритмом. Всё сильнее и сильнее улыбалась Златка. И с последним Сашкиным ударом, когда в обалдевшем зале повисла звеняще-недоумённая тишина, она достала сигарету, нарочито медленно прикурила её и, кивнув залу, словно продолжая давно начатый разговор, призналась в микрофон:

– А моя бабушка курит трубку... – и снова через паузу, уже под Ромкину гитару зазвенел, обрастая обертонами, её голос, превращаясь в известную рок-н-рольную песню. – Чёрный-пречёрный табак...

*Моя бабушка курит трубку,
В суровый моряцкий затыг.
Моя бабушка курит трубку
И обожает огненный ром,
И когда я к бабуле заскочу на минутку,
Мы с ней его весело пьём.*

И песня была знакома если не всем, то многим, и Ромка хорошо играл, выжимая из своей старенькой электрогитары достойный звук, и даже справившийся с волнением Сашка почти не лажал, выдавая нужный ритм, но публика явно была ошеломлена их напором. Никто не ел, не звенели бокалы, все, повернувшись к сцене, смотрели на Златку, которая так отчаянно-самозабвенно перепевала Гарика Сукачёва, что даже выдавшие виды жлобы из самого гламурного ростовского ресторана ей поверили. Ей невозможно было не верить: так мгновенно закрутилась какая-то невидимая пружина, захватила и повела за собой, словно Гамельнский крысолов достал свою оловянную дудку; так вызывающе ломался на низах её голос; так вздувались от напряжения вены на тонкой шее и пульсировал крик на последних словах припева, словно мстил им всем за их отношение к жизни...

*Хоть у неё ничего не осталось
У неё в кошельке три рубля.
Моя бабушка курит трубку,
Трубку курит бабушка моя!*

Отставив стойку с микрофоном, она отвернулась от зала, не ожидая ничего от него, да и не мог сейчас этот зал дать ей хоть что-нибудь стоящее, ибо тонул в урагане эмоций, получив антигламурную пробоину ниже всех своих ватерлиний. К ней подошёл Ромка, подал бас-гитару; она, всё так же спиной к залу, надела её на себя и тронула струны знакомым перебором. Ромка шагнул вперёд и стал рядом с ней. Они так и играли вступление на двух гитарах – он лицом к залу, она – спиной, пока он не запел:

*Солдат шёл по улице домой
И увидел этих ребят.
«Кто ваша мама, ребята?» —
Спросил у ребят солдат...*

Пел Ромка сносно, но было бы намного лучше, если бы он не старался так походить на Виктора Цоя. Впрочем, это мало кто заметил, так как в зрительный зал уже летел припев от Златы:

*Мама – анархия,
Папа – стакан портвейна!*

И уже не было никакого приговора в этих словах, и уже она, повернувшись к ним, была другой, и, не давая утонуть, уже кидала в зал бесшабашный спасательный круг:

*Мама – анархия,
Папа – стакан портвейна!*

Тогда, на сцене «Эльдорадо», и родилось нечто в том контрастном душе, который она всем устроила – от первого удара по барабану, до последнего аккорда третьей, уже Златкиной песни, перед которой она заявила ожившей было публике, что уже всю требовала продолжения:

– Сейчас буду петь вам пошлости, ведь вы их желаете... Ещё буду петь гадости, вы их заслуживаете... А потом перестану петь, так как вы этого не достойны...

Она спела свою песню «*Мама, сядь поудобней – я полезу обратно*», отключила гитару, и они молча ушли из ресторана.

В том вызывающем перформансе и родилась группа «Архиблэк». Хотя, если честно, то им просто повезло, ведь после того, как Златка прошла мимо директора ресторана, скривив губы в усмешке, крёстный Рыжего в сердцах отказался иметь дело с племянником, который связался с такой непредсказуемой и неуправляемой панк-девицей. Но словно предчувствовал это Ромка, когда втайне приглашал на премьеру в «Эльдорадо» свою двоюродную тётку Наталью Загробян, главного редактора ростовской газеты «Седьмая столица», любительницу сотрясать патриархальные устои тесного для неё города. И после выхода восторженной статьи под заголовком «*FUCK let's ROCK, детка!*», читающая публика узнала, что наконец-то и в Ростове появились бунтари, не дающие спокойно пережёвывать пищу.

Нельзя сказать, что они стали слишком уж популярны за прошедшие два года, но аванс «Седьмой столицы» сделал своё дело: «Архиблэк» регулярно приглашали выступать на разного рода молодёжных и клубных вечеринках, а её «*Мама, сядь поудобней...*» стала гимном самых отвязных тусовок. Вот только в крутые рестораны типа «Эльдорадо» их больше никогда не звали. А Златке и не надо было. Она крайне скептически относилась к своим музыкальным

перспективам, предпочитая музыкой лишь зарабатывать деньги, а что думают на этот счёт другие, её, если уж совсем честно, мало интересовало.

* * *

«Адмирал Лунин», пришвартованный сейчас к пирсу судоремонтного завода, стал местной достопримечательностью в далёком 1979 году, когда на экраны вышел первый советский боевик «Пираты двадцатого века», где теплоход «сыграл» пиратский корабль. Приписанный к Ростовскому мореходному училищу имени Г. Я. Седова теплоход лет на пять обеспечил повышенный конкурс в мореходку только самим фактом своего существования. Ходить в морские учебные походы на «Адмирале Лунине» считалось особым шиком, ведь не у каждого мореходного училища есть свой «пиратский» корабль. Но это было так давно, что кинематографическая слава померкла, и содержать судно в новых рыночных условиях мореходке было уже не по силам. Последние два года стоял «Адмирал Лунин» у причальной стенки в затянувшемся предпродажном ремонте.

Поговаривали, что начинали переделывать теплоход в морскую яхту для какого-то украинского олигарха-металлурга, даже название новое было известно – «Морская фантазия», но то ли кризис ударил по металлургии, то ли олигарх умерил фантазии, но денег хватило лишь на капремонт силовой установки и демонтаж навигационного оборудования. Уже год, как все работы на судне были заморожены, стояло оно, брошенное всеми, на жёстком приколе, и лишь ведомственная охрана «Красного моряка» следила, чтобы по судну не шастали посторонние. Впрочем, и из этого правила было весьма существенное исключение. Так как заведовал охраной Ромкин дед, который ещё с детсада забирал вместе с внуком Злату и Рыжего, то вся троица свободное время проводила на борту брошенного судна. На котором даже название сменить не успели.

– Сашка, я тебя тоже люблю, но зачем так кричать на весь левый берег? Сначала Марьванна «полкана» спустила на ровном месте, потом ты завопил, как потерпевший... Теперь только глухой не знает, что я сюда приехала, – поднявшись по крутой корабельной лестнице на верхнюю палубу, Злата расцеловалась с друзьями и плюхнулась в старый деревянный шезлонг между Сашкой и Ромкой. – У меня плохие новости...

– Как же, любит она..., – радуясь её приходу, проворчал Рыжий, – тогда почему Румына первого поцеловала?

– А потому что ты – рыжий, – добродушно щурясь на солнце, лениво хмыкнул Ромка, присматриваясь к ней.

– А с Марьванной что не поделили? – не обращая на него внимания, спросил Сашка. – Почто старушку – божий одуванчик – обидела?

– Этот одуванчик сам кого хошь обидит. Говорю же, слова лишнего ей не сказала. День сегодня такой... – чуть дрогнул у неё голос.

– Вот в это верится с трудом, чтобы ты и ничего не сказала, – разулыбался Рыжий, – небось...

– Саня, хватит пургу молоть! – перебил его Ромка. – Не видишь Златка ёрзает, места себе не находит... Ты что, плакала?! – обратил он внимание на её припухшие веки, когда она сняла, протирая, очки. – Что случилось, выкладывай?

– Да, собственно, всё, чем дядя Рубик пугал, то и случилось, – мрачно ответила Златка и полезла в рюкзачок.

Она достала помятый оловянный портсигар с выдавленным на крышке крестом в дубовых листьях, открыла, вынула из него старинную жёлтую монету, на лицевой стороне которой несколько столетий так и не стёрли воина в доспехах и шлеме, с мечом в правой руке и пучком

стрел в левой. Хорошее качество монеты лишь безобразила неровно пробитая дырка, из-за которой было непонятно, в тысяча семьсот каком году её выпустили.

– Это что? – спросила, протягивая ладошку.

– Злата, – Рыжий недоумённо смотрел на монету, – это же твой «арапчик»... Ты зачем его приволокла?

– А это тогда что?! – она открыла вторую ладошку, и друзья, ахнув, увидели там точно такой же золотой дукат, с точно такой же дыркой, скрывающей год выпуска.

– Откуда он у тебя, – начал было Ромка, но, догадавшись, осёкся и снова ахнул: – Вартанян... дядя Рубик умер?!

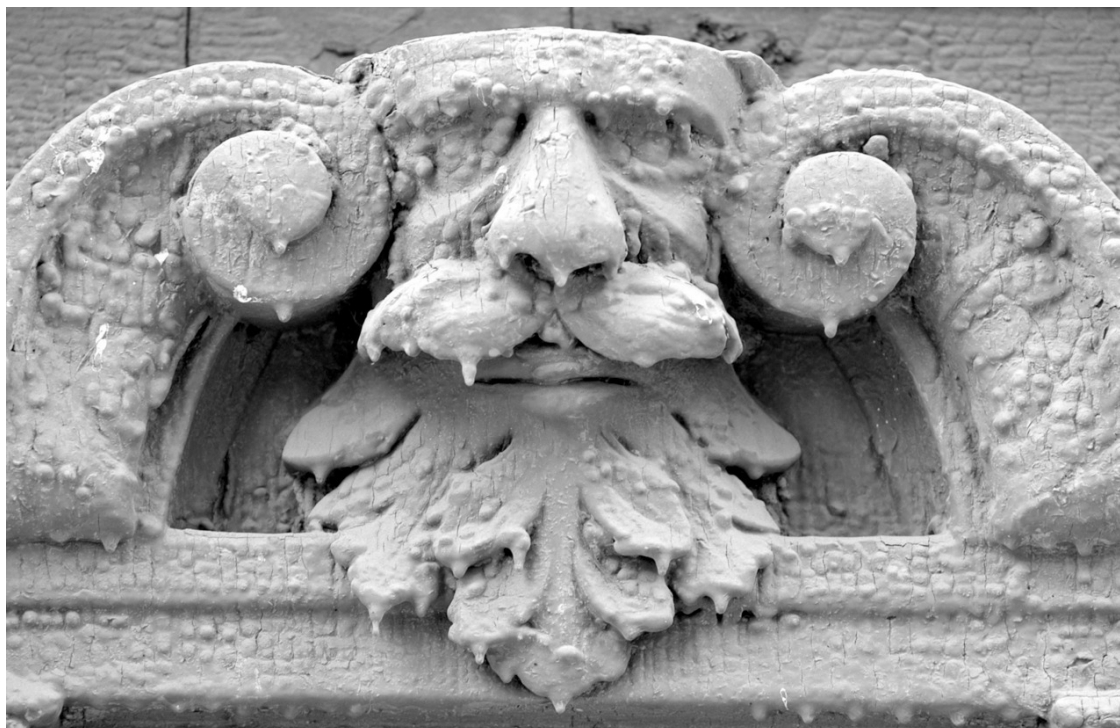
Златка отрицательно покачала головой, глядя куда-то в сторону.

– Он не умер... – завернув обе монеты в замшевый лоскут, она уложила их в портсигар, спокойно смахнув чёлку с глаз. – Его убили.

Она встала и, подойдя к борту, широко раскинула руки, ловя «низовку», довольно сильный западный ветер, что дул с Азовского моря против течения, нагоняя воду в Дон:

– А ведь так хочется стать белой чайкой... Парить навстречу морскому ветру... И срать на всё. Срать. На всё...

Глава 2. Дядя Рубик

«Каменные лица Ростова»

* * *

Саля-молекула, меня зовут Злата

Я не ношу стринги. Не по-пацански это как-то, не по-христиански. Ещё я втайне от себя пишу стихи, правда, иногда по пьяни их рассказываю, и рисую влюблённых девочек. Храню все когда-либо подаренные мне открытки, всякие приятные записочки, камни, иногда спокойствие, верность и ещё кучу ненужного барахла...

В оставшееся время учусь в универе и борюсь с ветряными мельницами за деньги, то есть пою в клубах. Нет, вру. В оставшееся время я ищу свою Мечту, а пою – в свободное от оставшегося. Когда учусь, сама не знаю...

Мама считает, что мне нужно больше петь. Но мама смотрит юморные передачи, я ей не доверяю...

У каждой уважающей себя страдающей девочки должна быть мачеха. А у меня нету, ведь я живу с мамой, а не с отцом. Мама до сих пор заставляет меня есть, папа заставляет меня думать... Только Румын с Рыжим не напрягают. С ними я всё делаю, как хочу, ищу свою мечту...

Меня вчера попросили, чтобы я поосторожней была на улицах по вечерам и не возвращалась домой одна. И мне это совершенно не понравилось. Мне вообще многое не нравится...

Меня, наверное, слишком сильно любят. Ужасающе слишком. Но я вас прощаю, ведь меня рожали больше 12 часов – у вас комплекс вины. Когда бабушка увидела у меня пирсинг в языке, лишь заботливо поинтересовалась, не наматывается ли у меня капуста туда...

Мама в детстве говорила, что я должна капусту есть. Капустка тушёная, капустка квашенная. Сиськи о-такие будут! Ога...

Сиськи как сиськи. Главное, чтобы ему нравились. Кому ему? Микки Маусу. Я ведь в детстве мечтала за него замуж выйти. Потому что он самый известный и популярный, а значит богатый. И чтобы жить обязательно в Диснейленде. Мне, кстати, сейчас это ещё больше подходит...

А детство – ведь та счастливая пора, когда бежишь ночью из туалета и радуешься, что тебя не съели... Когда шестнадцать стукнуло, то по радио услышала, что Шерон Стоун – сука такая! – тоже о нём мечтала. Так я, дура, побежала и татушку себе набила с Микки Маусом, типа, я первая...

Я, конечно, понимаю, что я идиотка, но почему все остальные, понимая, что я идиотка, тоже ведут себя как идиоты?!

БУДЬТЕ, ЁПТ, УМНЕЕ МЕНЯ!

P. S. Папа, если ты уже набрёл на мой аккаунт в этой Сети, то знай: всё, что я здесь пишу, несерьёзно. А в жизни я матом вообще не ругаюсь.

Like (317)

Comments (73)

Share (28)

* * *

Золотые монеты лежали в раскрытом портсигаре рядом с подушкой, а она уже несколько часов не могла уснуть и всё смотрела куда-то сквозь них, бессильно ожидая, когда, наконец, перестанут колобродить мысли в голове и отпустят её. Но образы, хаотично сталкиваясь с воспоминаниями, упрямо всплывали в сознании, вытесняя друг друга, лишая всякой надежды на сон. Уже и фонарь на крыше соседнего дома давно потух, и лишь высокая полная луна, красивым аверсом² заглядывая в окно, тускло отсвечивала лунным зайчиком в своих маленьких золотых двойниках.

– Луна... красивым аверсом... походу я загоняюсь на этих монетах, – ясным всполохом мелькнула, было, здравая мысль, но и её уже вытеснял, обрастая невнятными смыслами новый образ:

*Я не сплю, потому что мне страшно,
Ты всё видишь и тоже не спишь
Мы не спим, потому что не вместе мы,
А ты только смотришь, молчишь...
Луна моя, как пережить твой ночной
перигей?*

– Ну за что мне всё это?! – окончательно рассердилась на себя Златка. – Какой-то ужасно-слонявый реп в голову лезет... Срочно стереть весь этот мусор и спать! – в отчаянии приказала она себе, отгоняя мысли прочь.

– А ведь последняя строчка ничего так вышла... – издевательски мелькнуло в голове перед тем, как Злата провалилась в вязкое забытьё.

² **Авёрс** (лат.) – лицевая сторона монеты с изображением герба, противоположная номиналу монеты.

Дядю Рубика – Варганяна Рубена Эдуардовича – Злата сильно уважала. Да иначе и быть не могло. Всё, что знала она о монетах, знала от него, потомственного краеведа и коллекционера всяко-разных тайн и тайночек, которые от Екатерины Великой до революции хранили в себе когда-то два таких разных города, как армянский Нахичевань-на-Дону и русский Ростов, разделённые всего лишь межей на Ничейном поле. Уже и нет давно городов этих, родился на их месте советский Ростов-на-Дону, а старые тайны живут, пока жив дядя Рубик. Пока был жив.

Это он выпестовал Златкину мечту. Десятилетиями собирал её по крупичкам, отшлифовывал, перепроверял, а затем щедро, как умел только он, подарил. Подарил странный золотой дукат с грубо пробитой дыркой. Их было три таких монеты, одну из которых он и отдал Злате.

«Арапчик» – это ласковое название старинного дуката больше всего нравилось ей. Почему голландского рыцаря в доспехах, с мечом в одной руке и пучком стрел в другой, в России, где эти монеты имели хождение наравне с Европой, приняли за арапа, сказать трудно. Много позже Злата пыталась выяснить это, но ни один справочник не давал исчерпывающего ответа. Как ни крути, а версия дяди Рубика, которую она услышала первой, оказалась ещё и самой убедительной, ведь он знал так много, что даже если он чего-то не знал, то додумывал так легко, что поверить ему было легче, чем самой толстой энциклопедии.

– Деточка моя, это легендарная монета, – с восхищением говорил дядя Рубик, разглядывая и крутя в пальцах дукат, – легендарная настолько, что её часто называют первой торговой монетой мира. Два десятка стран тайно чеканили её и, кстати, Россия дольше всех – лет сто – пока голландцы не возмутились. Нидерланды и сейчас выпускают эту монету, как коллекционную. И за 400 лет с хвостиком, дукат совсем не изменился – всё то же золото 986-й пробы, те же три с половиной грамма веса – золотой стандарт, одним словом. А почему «арапчик»? Кто знает, кто знает... – дядя Рубик задумчиво смотрел на Златку поверх очков. – Может дело в том, что дукат был скопирован с марокканского динара... Здесь, знаешь ли, любопытная логическая цепочка вырисовывается: Голландия долго была провинцией Испании, а та, в свою очередь, несколько веков до этого принадлежала Великому арабскому халифату, и какая-нибудь династия мавров правила испанским эмиратом из Марокко. А мавры порусски кто? Правильно, арапы, – увлечённо придумывал дядя Рубик не в силах остановить полёт фантазии. – Дело в том, что в раннем средневековье золотые монеты чеканились только в Византии или том же Халифате. В Европе монету били в основном из серебра и меди, поэтому неудивительно, что крестоносцы вместе с золотом привезли с Востока ещё и традиции золотой чеканки. Голландии, возможно, это всё в наследство через Испанию и досталось. Сунули севильскому воину-аббасиду в руку связку стрел, как символ независимости северных провинций от испанской короны, и мавр сделал своё дело – превратился в голландского рыцаря. А память-то осталась! Вот, видимо, по старой памяти и прозвали дукат в России арапчиком. Средневековая глобализация, так сказать, – смеялся дядя Рубик, – все знали всё друг про друга не хуже, чем сейчас...

Высокий, худой и вечно лохматый дядя Рубик был потомком тех крымских армян, которых в конце 18-го века генерал Суворов переселял в донскую степь под стены крепости Св. Дмитрия Ростовского, подрывая экономику ханского Крыма перед очередной войной с Турцией. С возрастом у всех мужчин в роду Варганян густые чёрные усы под крючковатым носом прекрасно уживались с абсолютно седой гривой волос на голове. Не было исключением и дядя Рубик. Именно таким его и увидела Злата первый раз на пороге областного краеведческого музея, куда двенадцатилетним подростком, по простоте душевной, притащила целую коробку позеленевших от коррозии пулемётных гильз.

Она тем летом совершенно случайно сделала открытие, что в земле прячется много любопытного, надо только знать, где искать. Тогда она даже и не искала, просто стояла на высоком берегу Дона над причалом Кошкино, смотрела вслед уходящему ПС-19 с Ромкой и Сашкой

на борту и злилась на себя за своё опоздание, ведь так не хотелось возвращаться домой, где что-то непонятное происходило с родителями, хотелось купаться с этими уплывающими без неё обормотами, кидаться песком и бегать на проходную завода пить газировку из старого автомата. Ромка что-то кричал и махал руками, Рыжий как всегда кривлялся и строил рожи, и от этого она злилась ещё сильнее, даже несколько раз топнула пяткой в сердцах и... чуть не съехала вниз вместе с большим комом земли, который с весны нависал над берегом, подмытый половодьем.

Взвизгнув, она чудом успела отпрыгнуть и, хотя высота была небольшая, долго испуганно тарасилась вниз, переводя дух, пока случайно не разглядела у себя под ногами на вскрышем склоне буро-зелёные, проржавевшие от времени гильзы. Словно старая грибница, щедрой порченой россыпью торчали они отовсюду.

– Пулемётное гнездо, деточка, – скажет позже дядя Рубик, – немецкое пулемётное гнездо, ничего удивительного, ведь именно в этом месте Красная армия переправлялась через Дон, освобождая Ростов...

Но это она узнает позже, а тогда, сначала руками и веточкой, потом найденной палкой с большим кривым гвоздём на конце, она увлечённо выковыривала гильзы, набивая ими подбрюшную тут же на берегу коробку. Ощущение, что нашла клад, нарастало по мере заполнения картонки, а когда она раскопала ещё и помятый оловянный портсигар с выдавленной на крышке свастикой в дубовых листьях, стало окончательно ясно, что чудо свершилось.

Вот только тётки из краеведческого музея в это верить не хотели и дальше порога не пустили «с этим мусором».

– Тётенки, это клад, я правда его сама нашла, – уговаривала не веря своим ушам Злата, – посмотрите, они настоящие!

– Шла бы ты домой, девочка, а мусор свой, вон, в урну выбрось, – улыбаясь, посоветовала контролёр на входе.

– Это не мусор! Это клад! Его в музей сдать надо, нам в школе говорили! – пунцовая от негодования, она готова была вот-вот расплакаться, но именно в тот момент к входу музея подошёл дядя Рубик, который хоть и был уже давно на пенсии, но продолжал работать здесь заместителем директора.

Лохматый и худой, он навис над ней, глядя поверх очков, так похожий на Папу Карло из сказки про Буратино.

– Пойдём посмотрим? – дружелюбно предложил он и повёл её в сторону лавочки у каменной скифской бабы, что вместе со старинной казачьей пушкой украшала дворик музея.

Так и ходила она за дядей Рубиком до самого университета, как губка впитывая истории ростовских кладов. И больше никто и никогда не останавливал её на входе музея и даже не спрашивал билета, она ведь к дяде Рубику...

* * *

Разводились Златкины родители образцово-показательно. Ну, так они думали: никаких ссор, никакого выяснения отношений – ребёнок не должен страдать. Златка думала иначе, но кто её спрашивал в двенадцать-то лет? Правда, её первый ужас быстро прошёл – с папой ничего не случилось, каждый день он приходил к ней и они всё так же, как раньше, резались в нарды и вместе рисовали, пока она не ложилась спать. Он забирал её из музыкальной школы, и они вместе гуляли или шли в кино. Да, гулять они, действительно, стали больше, и это ей нравилось, на улице ведь не было той неловкости, что возникала, когда папа приходил к ней домой. Странное дело, она очень любила маму, но внутренне всегда была на стороне отца.

А ещё образцово-показательный развод подразумевал общение с психологом. Умная тётка с участливыми глазами о чём-то спрашивала, подсовывала какие-то картинки, а в конце

достала цветные карандаши и попросила её нарисовать звериную семью. Вышел большой слон с воробышком на спине и обезьяна в сторонке.

...У девочки культ папы... слон слишком большой, а воробышек слишком маленький... вам надо «отпустить» дочку, дать больше свободы, вас слишком много в её жизни, вы слишком давите на неё... а стресс уже прошёл, не переживайте, дети, как ни странно, быстро ко всему привыкают... но хорошо бы ещё увлечь её чем-нибудь новым, чтобы позитивные перемены исходили от вас и девочка не формировала альтернативную вам реальность...

Родители услышали психолога так, как слышали. И Злату тут же перевели в лучшую в городе частную школу. Как ни странно, ей это почти понравилось, ведь учиться там было намного легче. Отца меньше в её жизни не стало, но он заметно помягчел, уже был не так строг и многое прощал. Он даже стал выслушивать её маленькие жалобы на маму, чего раньше категорически не терпел. И это тоже ей нравилось. Она училась лавировать между струями дождя.

В свободное время занималась вокалом в музыкальной школе, но постоянно рисовала, и как-то незаметно к седьмому классу её детский рисунок стал осмысленным. Поэтому мама сразу же перевела её из лучшей в городе частной школы в лучшую в Ростове художественную гимназию. Уже тогда отец решил, что она будет поступать на архитектурный факультет. И через несколько лет она туда поступила по целевому направлению мэрии, в которой работал отец, несмотря на конкурс, который в архитектурном был одним из самых высоких в том году.

Ей всё давалось легко, а как иначе, ведь воробышек слишком маленький, ему надо расти, его надо любить, кохать и лелеять...

А она больше всего не любила, когда её называли золотцем. Уже в университете, после того, как третий молодой человек подряд получил от ворот поворот за столь неосторожную фамильярность, она стала предупреждать заранее, при первом же знакомстве.

– Меня зовут Злата, запомни пожалуйста. Ни золотце, ни золотко, ни как иначе. А если забудешь – ломаю нос, – мило улыбалась она, – я их коллекционирую, носы ваши.

Ей в ответ смеялись («*какое оригинальное чувство юмора*»), но отчего-то верили, хотя, конечно же, никогда она никому носы не ломала. Зачем, когда для этого есть огромный и верный Румын.

Высокая и стройная, она была довольно мила лицом, носила короткое каре светло-русых волос с прямой чёлкой и почти не пользовалась косметикой. Очень любила солнце и, видимо, это было взаимно, потому как с выгоревшими до белизны прядями редкие веснушки на её носу с чуть заметной горбинкой, смотрелись особенно гармонично. Впрочем, полную гармонию ломали слишком тонкие губы, которые она вечно кривила в усмешке, да и этот прямой взгляд исподлобья совсем не красил её девичество.

Но уж кого-кого, а Румына с Рыжим это никогда не смущало. Оба друга были безнадежно влюблены в Златку если не с детсада, то с начальной школы уж точно, и она немного страдала от этого. Ведь она их тоже любила. Как родных братьев, о которых Злата, единственный ребёнок у родителей, никогда не мечтала, зачем, ведь есть Сашка с Ромкой – «два весёлых гуся», как дразнила она их в детстве. Дразнила, а сама, хоть после частной школы, хоть после художественной гимназии или университета, бежала к ним во двор своей Портовой улицы. К ним или к дяде Рубику, туда, где была собой, где она делала только то, что хотела.

Так с самого детства до университета друзья и тянулись за Златой. Могли бы мальчишки рисовать, без раздумий вслед за ней подались бы три года назад в архитектуру, а так пришлось им в строительный институт документы отдавать.

Училась Злата посредственно, уделяя учёбе ровно столько сил и времени, чтобы не отчислили из университета, не более. Зато любила бродить по городу с камерой и фотографировать всяко-разные архитектурные рельефы на фронтонах и фризах старых домов, знала

в лицо всех ростовских атлантов и кариатид, что держали балконы, и мечтала со временем организовать выставку «Каменные лица Ростова». Мало с кем дружила из своей группы в университете и считалась острой на язык барышней, с которой лучше не связываться. Но за последнее время, благодаря «Архиблэку» и своим песенкам, стала популярна не только на архитектурном факультете, но и попала в знаменитости университетского масштаба. Особенно уважали её на филфаке, где массовый شوубиз и коммерческий рок традиционно отрицали и первый прогульщик-анархист, и последняя девочка-отличница – вся филологическая тусня напевала: *«Мама, сядь поудобней – я полезу обратно»*.

А знаменитости – они все с прибабахом, считали те её одноклассники, что заметили за ней одну странность: при возможности выбрать самостоятельно объект проектирования курсовой или иной работы, Злата всегда выбирала одно и то же: армянский монастырь Сурб-Хач, вернее, то, что от него осталось – однокупольную церковь на высоком берегу реки Темерник и прилегающие пустыри. При этом, много времени проводила в районном управлении архитектуры, на территории которого располагался Сурб-Хач, успела со всеми там передружиться и к концу третьего курса имела в своём распоряжении копии всех чертежей и планов как самой церкви, так и инженерных коммуникаций в округе.

Глава 3. Кнопкодав

«Каменные лица Ростова»

* * *

Не знаю как у вас, а в Ростове начался апокалипсис. После невероятного количества мёртвых голубей было нашествие жаб. Теперь саранча пошла...

Я уже говорила, как ненавижу псевдогламурное быдло? Раньше я молча оставляла свое презрение на этих лицах. Но ведь апокалипсис!.. Не сдержалась...

На вечеринке в «Атлантиде» в начале программы подвалило слегка поддатое лицо ростовской национальности и попросило спеть что-нибудь утончённое, проникновенное...

А на ум отчего-то пришёл только ленточный червь. Нет ничего проникновеннее утончённого ленточного червя...

Сама виновата, что промолчала... Ведь в конце программы оно снова подвалило, уже в драбадан угашенное, и потребовало, баблосы тыча, чтобы «золотце» сбацило ему что-нибудь «охеренное»...

Сломалась... За «охеренным» послала к гомику Боре за барной стойкой. Может оно и хотело обидеться, но не успело – Ромка сломал-таки ему нос...

Я, конечно, всё понимаю, но почему обязательно надо хватать дерьмо, чтобы оставаться на плаву?!!!!!

Like (118)
Comments (21)
Share (13)

* * *

Парк «Дружба» – узкая полоска земли, зажата с двух сторон панельными многоэтажками – был перенаселён, словно Ноев ковчег. Русская церковь напротив Сурб-Хача, аквапарк и аттракционы, крытый ледовый каток и открытые спортплощадки, старинный монастырский сад на холме и довольно странные в донской степи ёлки вдоль аллей, – в общем, каждой твари по паре. Вот только Темерника почти не осталось: ушла река, когда сел на её мель этот странный ковчег.

Сурб-Хач или Святой крест – в переводе на русский – это остатки мужского монастыря, построенного армянами переселенцами из Крыма в память о древнем храме на черноморском побережье откуда бежали анийские армяне. В десятке вёрст к северу от пограничной русской крепости, под стенами которой, спасаясь от войны, заложили они в 1779 году свою новую Нахичевань, на высоком холме, над лесистым урочищем реки Темерник был водружен камень Хачкар. Десятки тысяч армян вышли из Крыма, на Дон добралась едва ли треть: людей выкашивали набеги обозлённых кочевников, голод и болезни, но святой камень, на котором их предки ещё несколько столетий назад выбили свой крест, они не бросили.

Место для монастыря нашли в дикой степи, безлюдное, но красивое: на холмистом берегу Темерника напротив небольшого острова. Много лет строился монастырь, первые братья обосновались в землянках, на месте которых лишь спустя годы появились и добротные монашеские кельи, и главный монастырский храм Сурб-Хач.

Так было. Но с тех пор, больше чем за два столетия, разрослась крепость Св. Дмитрия Ростовского. Границы империи продвинулись далеко на юг, поэтому крепостные стены в виде 9-лучевой звезды уже давно срыты, забылось даже имя святого в названии, что уж тут жалеть о проглоченной Нахичевани, которая стала Пролетарским районом Ростова-на-Дону.

Дикая же и безлюдная пустынь у Темерника вдруг превратилась в самую густонаселённую окраину миллионного города, в Северный жилой массив, ровно в центре которого, в парке «Дружба», и очутился Сурб-Хач. Вернее, то, что от него осталось – отреставрированный храм, несколько могил и красивая длинная лестница, каменные ступени которой, до сих пор соединяют вершину холма с родником у подножия.

На побуревших от времени и мха перилах этой лестницы, терпеливо выпиленных монахами из плит пористого ракушечника, любила сидеть Злата. Ведь если повернуться спиной к уродливым многоэтажкам и в створе лестницы смотреть свысока на город, то открывается такой вид, что даже человеческий муравейник у родника внизу холма не раздражает своей суевой суевностью.

«...Странное дело, – думалось ей, – этим людям проще называть „святым“ уцелевший родник в черте города и мочить в нём чресла, истово крестясь, чем сходить на исповедь в уцелевший храм на холме».

– Опять медитируешь или снова мизантропствуешь? – нахально выдернул её из одиночества весёлый голос Рыжего. – Привет, Злата, принимай пополнение, это Миха, самый лучший кнопкодав, из всех, кого я знаю в Ростове...

Идея, что «Архиблэку» срочно нужен клавишник, пришла Златке в голову совсем недавно, а так как в отличие от Рыжего она сторонилась музыкальной тусовки, то поиск нужного музыканта взял на себя Сашка, который уже все уши прожужжал ей про своего нового

приятеля: мало того, что абсолютник³, проучившийся два года в консерватории, так ещё и Карма⁴ у него хорошая.

– Миха, – протянул татуированную от плеча до запястья руку молодой человек в шляпе Хемингуэя, которого привели на смотрины Рыжий с Румыном. – У тебя классные тексты.

– Ты что, альбинос? – сдвинув на лоб солнцезащитные очки, бесцеремонно уставилась на него Златка, не обращая внимания на протянутую руку.

Михаил, действительно, был бел. Белые волосы, белые ресницы и брови, редкая белая поросль над пухлыми губами и стильная бородка, опять-таки белая. И всё это на фоне очень белой кожи, что было особенно странно на ростовском солнцепёке.

– А ты что, блондинка? – чуть прищурился серо-голубые глаза, вызывающе спросил он в ответ. Но повисшую руку упрямо не одёрнул.

– Главное, что не бородатая женщина, – миролюбиво улыбнулась она. – Надеюсь, ты не паришься, потому как главный урод здесь я. Приятно познакомиться, Злата, – наконец, пожалала она его руку. – А ещё я Весы по гороскопу, самый гармоничный знак.

– А я Стрелец, – ответил клавишник.

– Ну и славно, значит, постреляем... Рыжий, я была не сильно груба? – кривя в своей вечной усмешке губы, спросила она у Сашки.

– Да он в курсах, его Румын всю дорогу тобой пугал.

– Дожилась, мной уже детей пугают, – снова поддразнила Михаила Златка, хотя тот был явно старше её на несколько лет. – Ну давай, рассказывай, что у тебя на руке такого загадочного набито, а я тебе свою татушку покажу, ну и, типа, подружиться.

– Скоттишей уважаю, – расслабленно улыбнулся в ответ Михаил, задирая на плечо короткий рукав футболки, – и море люблю, ну и буквы тоже, я ведь между делом в универе международную журналистику осваиваю. Поэтому, когда весной вернулся из Шотландии, то сделал из собственных фоток графику с чертополохами и пустил по ней текст старинной морской песни на древнем гэльском языке. Пять часов работы одного гениального тату-мастера – и я стал произведением искусства. Как тебе?

– Да ты крут, чувак! – восхищённо цокнула языком Златка, рассматривая его руку. – Аж, завидки берут... – она осторожно потрогала пальцами большую готическую буквицу на предплечье, – я бы так много набить не решилась.

– Высказываться, так высказываться... Ну и потом, главное начать, а будет, что сказать – всегда успеешь.

– Ну, у меня всё скромнее, – Злата повернулась к нему боком и, расстегнув пуговицу, приспустила рукав с правого плеча, обнажая своего цветного Микки Мауса на лопатке. – Он, конечно, небольшой, – заглядывала она себе через плечо, – но очень серьёзный типус. Даже Ромка его боится, да, Ромка? – разулыбалась было она, но нечаянно перехватила взгляд Михаила, который нахально рассматривал явно не Микки Мауса, а её чуть приоткрывшуюся грудь.

– А вы, Мишенька, будете так пялиться, глазки сломаете, – усмехнулась она, поправляя на груди рубашку и застёгиваясь. – Надеюсь, всё успел разглядеть? Тема сисек раскрыта?

– Извини, – быстро ответил он, правда, ничуть не смутившись, – надеюсь, я...

– Да ладно, – перебила она, – такого наглеца нам только и не хватало, – иронично улыбалась Златка. – Кстати, Сашка говорил, что тебя в своё время из консерватории попёрли, за что, если не секрет?

– За свободный образ жизни.

– Ну, тогда ты нам тем более подходишь, – рассмеялась она. – Знаешь, почему сыр с плесенью не страшно на ночь оставлять на столе? Хуже не станет.

³ **Абсолютник** (*музык. сленг*) – музыкант с абсолютным слухом.

⁴ **Карма** (*музык. сленг*) – клавишная рабочая музыкальная станция «Korg Karma».

Уже вчетвером они спускались по лестнице, слушая Рыжего, который увлечённо вещал, что «Баба Люба», где им выступать в ближайшую пятницу, «достойный гадюшник», вот только платят там мало и вытяжка плохо тянет, оттого дым коромыслом и тяжеломерно работать, – но зато публика правильная, а потому для дебюта вчетвером, лучше места не придумаешь. Румын молча слушал, новый клавишник Миха живо поддакивал, Злата же думала о чём-то своём.

Где-то на середине лестницы, незаметно придержав за руку Ромку, она поотстала с ним на пару шагов и показала на маленький островок посреди заросшего камышом, заболоченного русла Темерника.

– Я так думаю, нам туда надо попасть любыми путями. Как считаешь, Ромка, получится? – тихо спросила она.

– А что тут думать, вон по мостку и перейдём, какие проблемы?

– Не тупи, Ром, я о другом... – внимательно смотрела она на него, не договаривая главное при новичке. – Остров нам этот нужен, понимаешь, о чём я? Если там обосноваться, хотя бы ненадолго, то мы все свои вопросы порешаем.

– Теперь понимаю, но как? – растерянно пожал плечами Ромка.

– Сама не знаю...

– Да легко! – Миха, шедший впереди, так внезапно развернулся навстречу, что Злата уткнулась ему в грудь, едва успев подставить ладони. – Идея-то классная! Сорри, конечно, что лезу без приглашения, – дружелюбно улыбался он.

– Ничего-ничего... я уже даже начинаю привыкать к этому, – язвительно заметила Златка, обходя новичка, – в следующий раз предупреждай только, когда лезть будешь, я сяду поудобнее.

Румын недобро усмехнулся, Рыжий засмеялся, оценив перифраз её песни, а Миха так неожиданно покраснел, что ей вдруг стало его жалко.

– Ну, продолжай, раз начал, всеслышащее ухо Саурана, – снова съязвила она, хотя раздражение уже улетучилось. – Что классного в том, что ты услышал? А самое главное, что лёгкого-то?

– Идея классная, – упрямо повторил Михаил. – Кругом сплошные качели-карусели, но когда всё это ранним вечером закрывается, народ до глубокой ночи тупо круги по парку нарезает от нечего делать. Я тут живу недалеко, на Комарова, – махнул он рукой в сторону бульвара, – из моего окна всё видно. В парке места свободного нет, а здесь, хоть и крошечный, но зато пустой островок. Пустой, наверное, потому что слишком мал... А тут и не надо ничего капитального строить – лёгкая открытая сцена, камыши покосить, иллюминацию, типа новогодней, натянуть и ночная дискотека готова. А чего вы хмыкаете? Жилые дома далеко, звук никому мешать не будет. Весь берег ещё прошлым летом плиткой выложили и парапет обновили, даже лавки есть – готовая площадка, танцуй-не хочу! Да здесь такую тусу крутую замутить можно, весь город сюда припрётся!

– Красиво излагаешь, начальник, тебе бы книжки писать, – фразой из любимого кинофильма скептически ответил Рыжий. – Этак придумать и я смогу, а ты Мурку сыграй!

– Вот-вот, – поддержал Сашку Румын, – чтобы всё это замутить, баблосов надо немерено отвалить только за разрешение, может ты ещё скажешь, где деньги взять?

– Ну да, в Ростове хорошее место недёшево стоит, – невозмутимо ответил Миха, – но ведь не только деньги вопросы решают. Нужные люди, на нужном месте всегда помочь смогут. А для некоторых Ростов-папа⁵ имеет буквальный смысл...

– У тебя что, папа в районной администрации трудится? – удивился Рыжий.

⁵ Ростов-папа (сленг) – название Ростова в криминальных кругах Российской империи в начале 20-го века.

– Бери выше.

– В мэрии, что ли?

– Ага, в мэрии... Папа... Только не мой, а её, – кивнул Миха в сторону Златы. – Для начальника Комитета по управлению городским имуществом решить вопрос с пустяковой арендой – что раку ногу оторвать.

– Я смотрю, Миша, у тебя не только слух хороший, ты ещё и много знаешь, – настороженно смотрела на него Злата.

– На слух не жалуясь, а вот знаю, к сожалению, не так много. Я ведь говорил, кажется, что на следующий год журфак заканчиваю. А ещё на фрилансе с газетами некоторыми сотрудничаю, для «Ростова официального», например, пописываю, время от времени статейки всякие дурацкие о жизни мэрии. У твоего отца, кстати, зимой интервью брал. Про «Архиблэк» я уже тогда, конечно, знал и очень удивился, что ты его дочь.

– Это он тебе сказал?

– Нет, что ты, – рассмеялся Миха, – твой отец не очень-то разговорчив, поэтому текст так себе вышел, проходняк. Просто меня редактор так настрашал им, что готовился к интервью ну о-о-очень серьёзно, вот и вызнал про тебя.

– Не нравится мне что-то твоя любознательность, – ревниво встрял в разговор Румын, – как-то всё у тебя некстати... Злата с отцом давно не живёт и ей...

– Всё нормально, Ром, правда, всё нормально, – благодарно сжав локоть, она остановила друга, внимательно глядя на Мihu.

– Дело в том, что у нас с папой не очень простые отношения... Ему не нравится, чем я занимаюсь, мой образ жизни, он даже перестал кормить меня из-за анаши. Ну, в том смысле, что деньги перестал давать... Но твоя идея ему должна понравиться, – чуть заметно усмехнулась она, – типа, любимая дочка за ум взялась. Может, заодно и помиримся окончательно, мне-то ведь ничего не стоит с ним поговорить... Зато вдруг у нас будет собственный остров?! Даже удивительно, как мне самой это в голову не пришло...

Островок, действительно, был крошечным. Три десятка шагов в поперечнике и шагов семьдесят в длину. Старое русло Темерника поросло камышом, и островок оставался таким только из-за родника, который пополнял мелководье вокруг него. Полноводную когда-то реку где-то загнали в трубы, где-то перекрыли дамбами, собирая воду в два водохранилища на въезде в Северный жилой массив, и река почти пропала. А островок остался. Без имени, без названия, лишь небольшой пятиметровый мостик вёл на него с набережной; три ивы, две скамейки, да густой камыш – вот и все его прелести. Раз в пять-семь лет шлюзы да задвижки в трубах и дамбах открывались настежь, и шла большая вода, промывая заболоченное русло, унося в Дон накопившийся хлам. Темерник на несколько дней разливался, не как раньше, но всё же. Островок подтапливало до самых ив и только поэтому ничего на нём не строили. Камыш косили от случая к случаю, большую часть года стоял он стеной, усугубляя заброшенность, так что гулять на островке можно было только в светлое время суток, пока с наступлением темноты какая-нибудь подвыпившая группа подростков не оккупировала скамейки у плакучих ив для своих незамысловатых затей.

Когда Румын под надуманным предлогом – освежиться от жары – остался у родника и не захотел идти на остров, Злате показалось, что Ромка обиделся на то, что не он, а этот новичок подкинул им идею. Тем более, сейчас Миха явно пытался удержать на себе её внимание. Но Златке нравилась и его идея, и сам Миха, поэтому она сделала вид, что не поняла Ромкиного демарша.

Они втроём бродили по острову, Миха с Рыжим наперебой предлагали, как превратить его в «плавучую сцену», где разместить аппаратуру, свет и откуда протянуть электричество. Она включилась в эту игру, моментально придумала название – Архиостров – и уже на сцене за её спиной выросал большой экран, куда проецировалось выступление Архибл-

эка. Ну и пусть картинка нечёткая, главное, что можно обойтись натяжным экраном, а значит, ничего грандиозного строить не надо, вот только большим он должен быть, задник этот, чтобы не только музыка, но и яркое световое пятно манило публику со всех концов парка.

– Проектиры, – смеялась над друзьями Златка, – это всё замечательно, но, как будущий архитектор, должна заметить, что нам понадобятся серьёзные исследования грунта.

– В смысле? – не поняв, спросил Миха.

– А без смысла, просто надо и всё! – веселилась она.

– Ну, я готов, – пожал плечами Миха, и Рыжий тут же встрепенулся.

– Один такой уже был готов, – многозначительно хмыкнул он, – теперь в Румынах всю жизнь ходит...

– Сашка, хватит трепаться, – поспешила перебить его Злата, пока он не ляпнул ещё чего-нибудь лишнего, – зови Ромку, нам пора отчаливать.

– А ты, Миша, молодец, – переводя разговор, похвалила она, – ловко всё придумал. В каком, говоришь, доме живёшь? В той красной десятиэтажке? Ну и славно. Будешь теперь смотреть в оба и охранять мой остров, чтобы случайно не украли.

Как давно это было... Четыре или пять, нет, всё-таки пять лет уже прошло. А кажется, что совсем недавно. Дядя Рубик... Он тогда впервые рассказал ей, как в 1942 году, во время оккупации Ростова, немецкий патруль задержал в окрестностях Сурб-Хача, на этом самом острове, троих румын с миноискателем, картой и парой украденных из храма на холме серебряных подсвечников. Румынские войска, союзники вермахта в войне с Советским Союзом, прикрывали тылы немцев на занятых территориях, но вояки из них были не ахти какие, и немцы с ними особо не церемонились. Поэтому, когда выяснилось, что миноискатель незадачливая троица умыкнула с немецкого склада, их попросту расстреляли. Время тревожное было, Красная Армия всё время пыталась контратаковать на южном направлении, поэтому-то разговор с мародёрами был короткий. Миноискатель вернули на склад, протоколы допросов с бредовыми признаниями, зачем им понадобился миноискатель и что именно румыны искали в окрестностях монастыря, в гестапо педантично подшили к делу вместе со старинной картой, которая больше напоминала профиль женской головки, а изъятые подсвечники передали в городскую управу...

Когда Златка пересказала эту историю друзьям, то больше всех загорелся Ромка. Он вообще всё тогда воспринимал как инструкцию к действию: металлоискатель, остров... и цель, и средства в одном флаконе. На все доводы Сашки упрямо приводил в пример румын: не дураки, мол, зря так рисковать не стали бы, просто не повезло – фашисты, что с них взять! Ромке тогда пятнадцать лет было, в таком возрасте придумывать легче, чем думать, поэтому с навязчивой идеей сделать собственный металлоискатель – денег ведь, чтобы купить тогда ещё не было – он справился довольно быстро. Конечно же, с помощью интернета.

Где, на каком сайте он раскопал ту схему прибора, Ромка, так и не признался, хотя Рыжий ещё долго после этого издевался над другом. А тогда Ромка, следуя строгим инструкциям, взял пустую коробку от компакт-диска и примотал изолентой к внутренней стороне одной створки маленький карманный радиоприёмник. К внутренней стороне другой створки примотал свой школьный калькулятор, после чего включил радио и настроил его на самую большую частоту в метровом диапазоне. Главное, гласила инструкция, чтобы на этой частоте не было работающих радиостанций, ведь от приёмника требовалась не музыка, а... радиосум.

Теперь, чтобы весь прибор заработал, его надо было протестировать: медленно складывать створки коробки от компакт-диска с включёнными радиоприёмником и калькулятором, пока не раздастся «особый громкий звук», когда радио уловит электромагнитные волны, излучаемые калькулятором. После этого, створки следовало развести так, чтобы звук стал чуть

слышен, и теперь, если всю эту конструкцию поднести к металлическому предмету, то снова раздастся «особый громкий звук».

Самое удивительное, что эта приبلуда заработала. Ромка испытывал свой уникальный прибор целый день, самодельный металлоискатель истошно «кричал», когда его подносили к газовой плите или холодильнику и, вообще, в доме не осталось ни одного металлического предмета, на который бы этот электромагнитный уродец не наорал. Но Ромка был счастлив. Он даже придумал, как закрепить всё это на хоккейной клюшке, чтобы удобнее было работать с прибором. И в тот же вечер отправился на вылазку. Один, ничего не сказав Злате, а уж тем более Сашке. Успех ведь был так близок, зачем делить его с Рыжим, а Златка теперь точно сделает свой окончательный выбор в его, Ромкину, пользу. Он так мечтал об этом, что даже не замечал удивленных взглядов в автобусе, когда добирался с их Портовой улицы через весь город к Сурб-Хачу. Удивлялись, собственно, не ему, а хоккейной клюшке, которая крайне неуместно смотрелась в том летнем автобусе.

Первое разочарование постигло его на острове. С фонариком в одной руке и клюшкой в другой, Ромка добросовестно облазил весь островок, но «металлоискатель» лишь робко поскрипывал, и только когда он поставил его на лавку, громко закричал на ржавые гвозди.

Уже совсем стемнело, но упрямство было одной из главных Ромкиных добродетелей. Вот только попытка обследовать храм обернулась ещё большим конфузом.

Калитка наверху лестницы была уже давно закрыта на замок, поэтому Ромка перемахнул через ограду и, подсвечивая себе фонариком, стал бродить вокруг Сурб-Хача в поисках чуда. Наверное, тогда и зафиксировала его камера наружного наблюдения, и сторож нажал «тревожную» кнопку. Мигалка милицейской машины через три минуты замелькала на съезде с бульвара Комарова, и Ромка, заподозрив неладное, пустился наутёк. Обратив перемахнув через ограду, он кубарем скатился с холма, несколько раз упал, разбив чудо-прибор на конце клюшки, после чего с размаху зашвырнул клюшку в камыши, а сам, усевшись прямо в воду, потому что иначе не поместился бы, спрятался под низким мостиком, что вёл на остров.

Два часа просидел там Ромка. Мощные фонари наряда милиции где-то с полчаса мелькали по территории храма, длинными языками жёлтого света облизывали склон и даже пару раз скользнули по мостику, окончательно напугав подростка. Поэтому Ромка ещё долго сидел в полной тишине, опасаясь засады. И, наверное, никто и никогда не узнал бы о его конфузе, если бы количество пропущенных звонков матери на его мобильник не достигло критического значения. Стуча зубами от холода, – хоть и лето, но вода-то проточная – Ромка вынужден был позвонить Злате с просьбой отмазать его, ибо влип, говорить не может и потом всё расскажет. Лишь Златка могла сейчас помочь, так как верили ей что Ромкины, что Сашкины родители, безоговорочно, и если эта девочка просит разрешить мальчишкам переночевать у неё дома, чтобы доиграть в «Монополию», то как можно ей отказать.

Вот только стал Роман с тех пор Румыном. Они ещё долго над ним смеялись, и Златка, и Рыжий. Даже дядя Рубик хохотал, когда Злата рассказывала ему о Ромкиных похождениях.

– Хорошая история, деточка, – отсмеявшись, улыбался он в свои густые усы, – достойная Сурб-Хача... Этому месту ведь так не хватает хороших историй, – непонятно сказал он и снова улыбнулся. – А твоя преданность ему достойна награды...

Это тогда дядя Рубик показал ей золотые дукаты с дыркой и один неожиданно подарил Злате.

– Второй тоже твой будет, деточка... – доброжелательно смотрел он на неё поверх очков, – потом... Когда я умру и все маленькие тайны Сурб-Хача перейдут к тебе, – опять непонятно сказал дядя Рубик.

Глава 4. Приморский бриз

«Каменные лица Ростова»

* * *

Ростовское солнце стоит где-то за перламутровым серым. И как бы мне устоять сегодня... Походу, я влюбилась в мальчика из сна, который я видела дважды... Позавчера он надел мне на правую руку свои часы и сказал, что однажды они покажут моё время. Госпаде, я готова убить за эти часы! Это невозможно!

Я, конечно, понимаю, что всё это бред красивой кобылы, но один любит меня, как фейсбук, другой – больше, чем арахисовое масло, а как любишь меня ты?!

Like (417)

Comments (83)

Share (22)

* * *

Старое армянское кладбище закрыли ещё в 60-х и за несколько десятилетий оно пришло в изрядное запустение и даже разруху. Лишь в конце прошлого века его открыли, разрешив подзахоронения в могилы родственников, и кладбище снова ожило.

«Какая странная игра слов, – думала Злата, – хоронить, чтобы ожить, и жить, чтобы хоронить...».

Дядю Рубика хоронили рядом с могилой его деда, адвоката Лусегена Вартаняна, недалеко от захоронения профессоров Варшавского университета, который эвакуировали в Ростов во время Первой мировой войны. Злата бывала здесь раньше вместе с дядей Рубиком, который очень гордился тем, что его дед помогал создавать Ростовский университет на базе Варшавского. Вот только с обвинением в контрреволюционном заговоре ни Лусеген Вартанян, ни варшавская профессура не смогли пережить Гражданскую войну, которая на Дону была особенно ожесточённой. Однако университет в Ростове остался, как осталась и коллекция деда, которую отец дяди Рубика, заведующий городским архивом, изрядно пополнил. В период между двумя Мировыми войнами это было не сложно: история переселения народов на Дон тогда мало кого интересовала, а древняя утварь, церковные книги и прочие артефакты времен исхода армян из Крыма, не имели почти никакой ценности в том революционном кураже. Но отца своего дядя Рубик помнил плохо, пропал тот без вести в 1943 году, поэтому и хоронили краеведа Вартаняна рядом с дедом.

Скромно одетые сотрудники музея, немногочисленные родственники дяди Рубика – его пожилая сестра Тома и её семья, все в строгих чёрных костюмах несмотря на жару, да Злата с Румыном и Рыжим, вот и вся траурная церемония. Мужчины хмурились, женщины вытирали слёзы. Плакала и Злата, сжимая в кулаке золотой дукат, который она зачем-то принесла сюда, горюя по человеку, сумевшему подарить мечту маленькой девочке, ничего не попросив взамен.

– Деточка моя, спасибо, что ты с нами, – сердечно прижала Злату к груди располневшая армянская старушка, когда все начали расходиться. – Брат так любил тебя... Не уходи сейчас, пойдём в дом, когда он умер я тебе только монеты отдала, как он и просил, а там ещё бумаги и письмо есть для тебя, я его не вскрывала... Рубик, как чувствовал, – горестно всхлипнула тётя Тома, снова доставая давно промокший носовой платок, – перед самой смертью распорядился на твой счёт... И мальчиков зови, надо помянуть Рубика, светлый был человек, царство ему небесное... Все любили его, даже с похоронами помогли совсем незнакомые люди... – всхлипывала тётя Тома.

Они молча возвращались по центральной аллее к южному выходу из кладбища. Будущая профессия уже заявляла свои права, и Злата особо не вглядываясь, видела в старых обломках скульптур, обелисков и крестов замысел неизвестного автора. Отмечала ценные породы камня – мрамор разных цветов, гранит и лабрадорит. Читала орнаментальную резьбу и архитектурную выразительность уцелевших мавзолеев-часовен с подземными усыпальницами, колоннами и фигурами ангелов. А маленькая одинокая девочка всё это время отчаянно сжимала в кулаке подаренную Учителем монету с дыркой...

В старой коллекции Лусегена Вартаняна когда-то было три таких монеты. Две из них нашли на берегу Сухого Чалтыря, в десятке вёрст от монастыря в 1883 году. Длинную глыбокую балку, что протянулась от Темерника до Мёртвого Донца, и рекой-то назвать можно было с большой натяжкой. Били ключи на самом дне балки, оттого зарастала она камышом, редкими ивами и заполнялась только весной, когда сходили в неё снеговые воды окрестной степи. Берега Сухого Чалтыря были покрыты колючим тёрном, прорваться к роднику можно было лишь с левого склона балки, правый уж больно крут. Но мало имелось открытых подходов к воде, пропадала скотина здесь, в колючих кушерах⁶ водились бирюки⁷, оттого места эти имели дурную славу и считались дикими. Лишь длинным крюком по степи могла повозка

⁶ **Кушери** – непролазные кусты на казачьем диалекте.

⁷ **Бирюк** – одинокий волк.

пересечь балку, поэтому община богатого армянского села Чалтырь и решила построить тут мост, дабы спрямить дорогу на Таганрог.

В поисках пологого склона строители неожиданно наткнулись на останки сразу шести волов. Истлевшая упряжь и три полусгнившие повозки – всё указывало на то, что сгинул этот обоз на дне глубокой балки очень и очень давно, но никто, даже из самых древних стариков, не помнил о такой пропаже. А когда здесь же, на склоне Сухого Чалтыря, нашли два захоронения, то по округе поползли слухи о Запорожской казне. По истлевшей одежде трудно было судить, кто похоронен тут, запорожские или донские казаки, но и в одной, и в другой могиле обнаружилось по золотой монете. Грубо пробитые дырки и остатки сгнившего кожного шнура явно говорили о том, что носили их на шее. Версия о разбое тут же отпала, потому как стояла каждая такая монета дороже всех этих волов вместе взятых, но никто не покусился на золото, а значит, хоронили мёртвых свои, быть может, в надежде вернуться.

И сразу тут вспомнили про третью монету, вернее, про первую, которая всплыла почти пятьдесят лет назад при таких громких обстоятельствах, что память о них не стёрли и несколько десятилетий. Ведь тогда впервые в истории Всевеликого Войска Донского, на территории которого располагался Сурб-Хач, было совершено разбойное нападение на православную обитель.

Осенней ночью 1834 года шайка разбойников захватила монастырь. Монахов избивали, а настоятеля Арутюна Аламдаряна пытали огнём, добиваясь признания, где он прячет сокровища Запорожской казны. Грабители перевернули верх дном все монастырские постройки и храм, не тронули только алтарь, особенно тщательно обыскивали подвалы храма в поисках тайников, но ничего не нашли. Только к утру из Нахичевани подоспела помощь, и грабители бежали.

Мученическая смерть настоятеля, дерзость и жестокость разбойников, всколыхнули юг империи. Следствие длилось долго, но ни убийц священника, ни сокровищ Запорожской Сечи⁸ найти не удалось. Лишь в личном архиве убиенного настоятеля среди многих бумаг, что хранились в нише за алтарём, обнаружили рисунок, отдалённо напоминающий то ли карту, то ли профиль женской головки, и монету на кожаном шнурке – золотой дукат с неровно пробитой дыркой, из-за которой было непонятно, тысяча семьсот какого года выпустили эту монету. Уцелевшие монахи рассказали о старце Симоне, который, согласно преданиям, нашёл место для монастыря, и всю свою долгую жизнь, даже в преклонном возрасте, раз в году обязательно покидал обитель и пешком отправлялся куда-то на северо-запад в сторону Сухого Чалтыря. Рассказывали, что перед смертью исповедовался старый монах самому настоятелю, после чего и появились в монастыре странная карта с ещё более странной монетой. Слухи об этом взбудоражили многих, но в открытую искать золото тогда никто не рискнул, дабы не попасть под подозрение после разбоя в монастыре, ибо суд в те времена был скорый и лютый.

Но после находки в Сухом Чалтыре, когда стало этих монет уже три, скудные факты обросли столь многочисленными домыслами, что породили невиданную доселе волну кладоискательства. В Нахичевани даже образовалась акционерная компания по поиску казачьего золота, одним из учредителей которой стал молодой тогда адвокат Лусеген Вартамян. Спустя время акционеры за баснословные деньги выкупили у монастыря и предыдущих владельцев все три монеты, карту и даже организовали несколько бесполезных экспедиций по поиску сокровищ. Никакого результата поиски не давали, молодые акционеры с годами становились уважаемыми людьми города, поэтому компания по поиску золота Запорожской Сечи де-факто превратилась в Общество «Лусеген Вартамян и Товарищи» по сбору раритетов той поры, когда армяне переселялись на Дон.

⁸ **Запорожская Сечь** – столица днепровского казачества с XVI по XVIII вв., называемая «Запорожская» по месту её расположения в низовьях Днепра за труднопроходимыми порогами.

Так всё неспешно и продолжалось до самого 1917 года, но вместе с империей рухнул привычный образ жизни, один из акционеров бежал за границу, прихватив с собой самое ценное, в том числе и карту. Спустя три года красными пролетариями был расстрелян адвокат Варганян, наследникам которого и досталась отличная, но мало кому тогда интересная краеведческая коллекция.

Карта неожиданно объявилась спустя четверть века в 1942 году, свою уникальную дедовскую коллекцию одинокий 77-летний краевед Варганян в 2010-м завещал музею, в котором проработал всю жизнь, кое-что на память оставил сестре, ну а Злате после смерти дяди Рубика достались уцелевшие монеты, срисованная копия старинного рисунка с трезубцем и чёткая инструкция, как расшифровать и что делать с этой картой. И то, что написал в своём предсмертном письме дядя Рубик: «...*Деточка моя, неважно, сможем ли мы им помешать, важно, что мы не можем этого не делать...*» – стало полной неожиданностью для Златы, совершенно перевернув её намерения.

* * *

Миха оказался крайне выгодным приобретением для «Архиблэка», ведь с его появлением группу стали регулярно приглашать в эфир ростовских радиостанций. Дело, конечно же, было не в том, что с клавишами «Архиблэк» сразу явил нечто новое в музыке, нет, просто несколько однокурсников Михи по журфаку работали кто ди-джеем, кто ведущим на радио, а один – даже программным директором, и он этим беззастенчиво пользовался.

А после того, как программный директор пообещал, что поставит группу в ротацию, Миха даже потребовал от Златы новый текст, ведь чтобы регулярно звучать в эфире, нужна была песня не хуже их «*Мамы...*», но только менее радикальная. И если Рыжий просто обалдел от такой наглости своего приятеля – требовать что-либо от Златы, то Румын, который быстро невзлюбил новичка, тихо позлорадствовал: никогда ещё Златка не писала тексты на заказ, ведь «соловей не поёт для свиной», а значит, огребёт сейчас этот выскочка по самое не балуй.

Удивляться Ромке пришлось дважды. Сначала, когда Злата молча выслушала Миху и ничего ему не ответила, а затем, когда на следующий день она в пять утра (всю ночь сочиняла?!) прислала по электронной почте Ромке, Сашке и Михе свои новые буквы.

«*Мария и Иосиф Виссарионович*» назывался новый шедевр, и у него, даже на первый взгляд, были все шансы повторить успех «*Мамы...*». Так, собственно, и вышло: новая песня в клубах пошла «на ура», вот только в ротацию на радио так и не попала. Владелец радиостанции оказался шибко верующим человеком, и программный директор не захотел рисковать своей карьерой ради насмешливой рок-баллады о войне двух миров – попов-мироедов и мирян-богоедов – за машины по обнаружению Бога на небесах.

Миха позвонил утром, когда Злата, только проснувшись, ещё валялась в постели, посматривая спросонья на будильник и выгадывая последние минутки сонной неги. Уже давно надо было вставать, чтобы успеть хотя бы к одиннадцати часам встретиться с пацанами на борту «Адмирала Лунина». Вчера поздно вечером звонил Ромка и просил появиться там как можно раньше. Ей даже показалось, что он снова дуется на неё, но последнее время это случалось так часто и густо, без всяких поводов с её стороны, что она не придала этому значения.

– Салют, Миха! – зевнув, потянулась, вставая, Златка. – Что звонишь, соскучился?

– Да вот, проезжал мимо, подумал, может тебя подбросить куда надо?

– Не, спасибо, я сейчас на левый берег к пацанам собираюсь, через полчаса катер будет, – отказалась она, – надеюсь не опоздать.

– А зачем суетиться с катером, я на машине, через новый мост и подкину тебя куда надо, – предложил Миха.

– Ну... если тебе в кайф сюда переться, – пожалала плечами Златка, – то приезжай. Адрес только запиши: улица Портовая... Уже внизу стоишь? Фигассе, резкий какой, а адрес откуда взял? Только лапшу мне не вешай про крутого журналиста, который всё знает, – рассмеялась она.

– Рыжий сказал, – честно признался Миха.

– Ну ладно, жди тогда.

Она быстро оделась, расчесав, привела в порядок волосы, глядя куда-то сквозь зеркало, и уже собиралась уходить, когда, словно очнувшись, увидела своё отражение:

– Ну и чего мы так придурковато улыбаемся, подруга? – усмехнулась она своему отражению и закрыла за собой дверь.

Чёрная «Субару» мигнула фарами, как только она вышла из подъезда, и Миха поспешил из машины ей навстречу.

– Чёрный автомобиль белого человека – это, наверное, круто, – смеясь, поддразнила она его, подставляя щёку для дружеского поцелуя.

– Киплинг бы тебе ответил, что тачка старше пяти лет, скорее, бремя белого человека.

– Ух ты! – дёрнула бровью Златка. – Наш мальчик знает, что Киплинг⁹ не только книжки про Маугли писал! Молодец, – похвалила она.

Они сели в машину, Миха вырулил со двора и выехал на Портовую улицу.

– Миша, ты дорогу не перепутал? – оглядываясь назад, удивилась Злата. – Нам же в противоположную сторону, через Сиверса надо на новый мост ехать.

– А мы через Западный мост поедem, если не против, конечно, – ответил он.

– Да мне всё равно, – улыбнулась Златка. – И охота тебе круги мотать?

– А у меня к тебе предложение есть... – разулыбался Миха.

– Руки и сердца, надеюсь? – расхохоталась она. – Тогда в очередь становись, третьим будешь.

– Если и буду, то только первым, – нахально ответил он. – Поехали сейчас в Таганрог, а?

– Зачем?

– Город красивый, набережная, все дела... Тебе понравится. Поехали, полчаса езды всего – и ты на море!

– Всё ясно! – снова рассмеялась Златка. – Вот, значит, ты где своих барышень выгуливаешь – вокруг домика Чехова, – хохотала она. – И как, ведутся на романтику?

– На домик Чехова не ведутся, а вот ресторан на набережной работает безотказно.

– Боюсь, сейчас не сработает.

– Тогда я тебе море и небо подарю. Море, конечно, мутноватое, зато небо чистое. Не веришь, посмотри в окно.

...Только сейчас она сообразила, что вляпалась в неловкую ситуацию, согласившись спросонья, чтобы Миха подвёз её на левый берег. Ведь не позвать его на борт «Адмирала Лунина» после такой любезности будет откровенной грубостью. А звать любопытного новичка на борт теплохода нельзя: она сама категорически была против, когда Рыжий предложил – ведь так много в кают-компании, где они проводили большую часть времени, карт местности, чертежей Сурб-Хача, планов инженерных коммуникаций, инструментов и других свидетельств её мечты. «Зачем провоцировать чужое любопытство?» – выговаривала она тогда Рыжему и Румын горячо её подержал. Но сейчас выйти из этого замкнутого круга не потеряв лица, можно было только через Таганрог. Тем более, в глубине души она была совсем не против и даже сама хотела этого...

⁹ **Джозеф Киплинг** – английский писатель и поэт. Среди самых известных произведений – «Книга джунглей», а также стихотворение «Время белого человека».

Злата нажала кнопку стеклоподъёмника на своей дверце и затонированное стекло плавно поползло вниз. Ворвавшийся ветер разметал волосы, но не помешал ей найти взглядом полупрозрачные перья редкого облачка на горизонте и, чуть усмехнувшись, хмыкнуть:

– Не очень-то оно и чистое, твоё небо... Если ещё и с морем такая лажа выйдет, я тебе осеннюю лужу отдарю... Поехали, что смотришь? – засмеялась она.

И пока довольный Миха сворачивал от моста в сторону Таганрогского шоссе, со Златкиного телефона улетало сообщение: «Ромка, меня сегодня не ждите, у меня дела».

На полпути до Таганрога, они ненадолго заехали в Танаис. Миха признался, что ни разу не был на археологических раскопках, и Злата устроила ему экскурсию с подробным рассказом о том, как случайно была найдена в дельте Дона самая дальняя греческая колония III века до нашей эры и как за несколько десятилетий постоянных раскопок на этом краю Ойкумены, археологи нарыли целый музей под открытым небом.

Было очень жарко, поэтому в Таганроге они лишь прошлись по набережной и поехали купаться в Рожок, посёлок на берегу Азовского моря, ведь людей там много меньше, а Таганрогский залив чище и глубже. Машину оставили в посёлке. Спускаясь к морю, накупили самой разной – желтой, красной и чёрной – черешни на маленьком рынке, где местные тётки продавали отдыхающим всякую всячину со своих участков, и здесь же под колонкой помыли ягоды, чтобы можно было их сразу есть.

Внизу у моря народу было не очень много, поэтому они быстро нашли удобное местечко под старым навесом на песчаном пляже, что тянулся широкой полосой между морем и крутым глинистым берегом, побросали вещи и побежали купаться, ибо ни к чему другому такая жара не располагала.

Море было спокойным и гладким, лишь у самой песчаной кромки вскипала и тут же сходила на тихий шелест мелкая волна. Зайдя поглубже, Миха сделал показательный рывок энергичным кролем – зря, что ли занимался когда-то плаванием в бассейне – и быстро перешёл на спокойный брасс, искоса поглядывая на Златку. По тому, как легко она ныряла и больше плыла под водой, чем на поверхности, видно было, как много времени она проводит на реке, в отличие от Михи, жителя спального микрорайона.

– Красиво ныряешь! – не сдержавшись, крикнул он, когда она в очередной раз вынырнула далеко впереди.

– Что говоришь, не слышу? – Златка резко тряхнула головой, смахивая воду с волос и, улыбаясь, повернулась к нему.

– Красивая ты, говорю! – снова крикнул он.

А Златка то ли не слышала, то ли делала вид, что не слышит, и снова ныряла, легко уплывая от него.

Так беззаботно они и провели день. На берегу Миха сидел, скрестив по-турецки ноги, в тени под навесом, побаиваясь падкого на белокожих южного солнца. Златка больше лежала рядом на горячем песке и ела черешню из пакета. Миха губами наигрывал ей какие-то новые аранжировки, отшлёпывая ладонями ритм на коленях, а она, смеясь, кидалась в него косточками, если ей что-то не нравилось. А когда она, наконец, похвалила его, он признался, что уже почти переложил на свой кармический «Korg» весь репертуар «Архиблэка», и совсем скоро все ахнут.

– Ага, – весело хохотала Златка, – мало ему, что Румын на него косо смотрит, так он ещё и Сашкины барабаны в свой компьютер засунуть хочет. Вот уж, кто ахнет, так ахнет!

– Ну я же для всех стараюсь, – невозмутимо отвечал Миха, – тем более, я у вас новичок, мне сейчас положняк за всех впахивать...

И он продолжал наигрывать ей свою музыку, а она продолжала бесовестно кидаться косточками. Надо сказать, что со стороны это было довольно милое зрелище, ведь, когда молодые люди видят только друг друга, это всегда радует глаз...

– Есть хочу, – призналась Златка, пошарив рукой в пустом пакете, после того, как в очередной раз, нанырившись, выбралась из воды. – Мишка, если ты меня сейчас не накормишь, то я умру! Хочу мяса, печёных овощей и красного вина. Всего сразу и много!

– До Чалтыря дотерпишь? – расхохотался он.

Весь понимающий в мясе Ростов ездил за шашлыками лишь в два места – в армянское село Чалтырь или на Левбердон¹⁰. Но сейчас Чалтырь был ближе, и Златка готова была потерпеть.

Они возвращались по трассе в Ростов, до Чалтыря уже было рукой подать, когда Миха неожиданно спросил:

– Злат, а зачем тебе «Архиблэк»?

– В смысле? – не поняла она вопроса. – Ты о чём спрашиваешь?

– О музыке. Мне иногда кажется... В общем, я понять тебя не могу. Когда ты поёшь или когда мы на твой новый текст музыку пишем, то ты так переживаешь это, что кого угодно за собой уведёшь. Но потом ты словно рубильник выключаешь, словно музыка для тебя не смысл, а случайный приработок.

– Именно так, Миха, приработок и ничего больше. Мне нужны были деньги, их неоткуда было взять, потому что я поссорилась с отцом, а тут Рыжий с этой идеей. Вот случайно всё и получилось.

– Да брось кокетничать, случайных музыкантов на «Нашествие»¹¹ не приглашают. Ты почему отказалась прошлым летом на их альтернативной сцене выступить?!

– Это тебе кто разболтал? – удивлённо повернулась к нему Златка.

– Это было несложно и самому узнать.

– Нет, я серьёзно спрашиваю, откуда знаешь? Даже Ромка с Сашкой не в курсе...

– С организаторами я связывался, хотел сюрприз тебе сделать... А тебя там, оказывается, хорошо знают и обижены, что ты даже не ответила на приглашение.

– Мишка, отстань, может я заболела и голос сорвала, петь не могла, вот и не поехала. А не ответила, потому как переживала сильно, – рассмеялась она. – Ты чего так завёлся-то?

– Так сильно переживала, что вместо «Нашествия» поехала на свои раскопки? И даже Румыну с Рыжим ничего не сказала про приглашение и такой шанс!

– Стоп, Миша, притормози-ка. Что значит, на свои раскопки, ты о чём сейчас? – внимательно смотрела она на него.

– Понятия не имею. Но точно знаю, что прошлым летом тебя видели наши археологи из универа, что роются на Каланче¹² и в Лютике¹³. Оказывается, ты в авторитете у копателей, все тебя знают. Говорят, что ты на какой-то музей работаешь и всё прошлое лето по балкам вокруг Чалтыря лазила.

Златка так удивлённо уставилась на него, что Миха поспешил успокоить:

¹⁰ **Левбердон** (*Левый берег Дона*) – неофициальное название левобережной части Ростова-на-Дону. Растянувшиеся на 25 км вдоль Дона рестораны, ночные клубы, пляжи и базы отдыха ростовчане еще называют «зоной любви и временного бракосочетания».

¹¹ «**Нашествие**» – крупнейший в России фестиваль мультимедийной музыки под открытым небом.

¹² **Каланча** (или Азовские сторожевые башни) – две башни на противоположных берегах Дона на подходах к Азову. Были построены турками в 1640-х гг. и перегораживали цепью выход в Азовское море.

¹³ **Лютик** – турецкая крепость на левом берегу реки Мёртвый Донец, прикрывающая выход в Азовское море от набегов донских казаков.

– Ты только плохого ничего не подумай, ты же знаменитость университетская, про тебя легко всё узнавать. Ну, просто интересно мне стало, на что ты музыку меняешь, вот и покопался чуток. Но так и не понял, в чём прикол: «Нашествие» разменять на овраги...

– Сашка с Ромкой в курсе уже? – бесцеремонно перебила она его.

– Да откуда мне было знать, что они не при делах... – виновато начал оправдываться Миха, видя, как разлетается в тартарары весь этот чудный день по его глупости.

– Когда ты им сказал? – снова перебила она.

– Вчера вечером. Но я же не знал...

– Не знал, что поссорил меня с пацанами? – тихо спросила она, не глядя на него. – Знал...

Потому и явился сегодня утром... Я права?

Вчерашний Ромкин звонок с просьбой о срочной встрече, какая-то странная недоговорённость, что холодком витала в том разговоре... И это сегодняшнее море, весь день с Михайой, и снова недоговорённость, но только совсем иная, обжигающая, волнующая, когда жесты, нечаянные прикосновения и осторожные взгляды говорят больше, чем любые слова... Всё вчерашнее становилось понятным, зато сегодняшнее – переворачивало всё с ног на голову... И к своему удивлению, она вдруг осознала, что не может сейчас поступить так, как привыкла, как сделала бы ещё утром – не сможет рубануть с плеча, избавляясь от того, кто доставляет столько хлопот...

– Я всё улажу, – пытался он спасти вечер.

– Всё, Миша, хватит, – растерянно сказала она, – мы уже приехали, я устала и хочу есть. Все разговоры потом... может быть...

Они молча ехали вдоль дымящихся мангалов по улице сплошь состоящей из кафешек и ресторанчиков.

– Вон за тем орехом, – показал Миха на раскидистое дерево посреди улицы, – самый вкусный шашлык. Проверено на себе неоднократно, – осторожно добавил он, припарковался у скромного заведения под орехом, вышел и, быстро обойдя машину, открыл дверку, подавая ей руку.

– Какой кавалер объявился, – фыркнула Златка, – в меру галантный, зато не в меру любопытный, – но руку подала.

– Мужчина должен «подавлять даме руку» – кажется, так написано в твоём твиттере, – виновато улыбаясь, он чуть сжал её ладонь и не отпустил руку, когда она вышла из машины. – Прости, слышишь?! Прости, что лезу постоянно не в свои дела, что всё хочу знать о тебе, что выпендриваюсь перед тобой... За пацанов прости... – он держал её за руку и, заметно волнуясь, смотрел в глаза.

– Ага... Прямо анекдот про деда Мазая и немцев, – не сдержалась Златка, – и зайцев не спас, и перед ребятами неудобно получилось.

– Ещё прости, что голодом чуть не заморил сегодня... – пытался шутить он и так неуверенно при этом улыбался, что её тревога куда-то улетучилась.

Они стояли у открытой дверцы машины, он держал её за руку, и они невольно всё сильнее улыбались друг другу. Так бывает на море: вроде и солнце только светило, но взъерепенится бриз, взбудоражит, нагнав волну, и небо потемнеет от неожиданных туч, и даже прогремит, хлестанёт наотмашь ливень – а ты только соберёшься испугаться или расстроиться, как снова светит солнце, моментально сохнет песок и камень, и лишь посмирневшая волна напоминает, как пролетело мимо нечто такое непонятное, что бывает только на море и только летом.

– Ты мне нравишься очень, Злата...

Она приподнялась на цыпочки и, высвобождая руку, громким шёпотом обожгла ему ухо:

– Ты мне тоже нравишься, но если нам не достанется во-о-он тот шампур с краю, – показала она на мангал, за которым колоритный седой армянин жарил шашлык, – я тебя точно убью!

Глава 5. Войсковая казна

«Каменные лица Ростова»

* * *

В моих коридорах нет власти. То ли кончилась, то ли и не было.
Я, конечно, всё про себя знаю, но порой мне кажется, что я способна к изъязвлению даже собственных мыслей...

P. S. Жаль, что в ломбард людей не принимают, а то завалилась тут у меня парочка драгоценных...

Like (23)

Comments (7)

Share (0)

* * *

Второй день подряд Сашка с Ромкой ждали Златку на «Адмирале Луние». И уже второй день они словно менялись ролями – обычно невозмутимый Румын не находил себе места, раздражался без повода, цепляясь к Сашке с одним вопросом: как она могла так поступить

с ними?! Рыжий, которому Златка звонила наутро после Чалтыря, наоборот, больше отмалчивался, от пересудов уходил, предпочитая дожидаться её, чем ещё больше раздражал друга.

– Интересно, что это за дела такие, ради которых на друзей забить можно? Я не удивлюсь, если она и сегодня не появится... Когда она тебе обещала приехать? – в который уже раз спрашивал Ромка.

Сашка терпеливо повторял, что обещала до вечерней разводки появиться, но Румын не успокаивался.

– А ведь это ты, Рыжий, во всём виноват! – неожиданно заявил он.

– Ну, наконец-то, нашёл виноватого! – хмыкнул Сашка. – Попустило, надеюсь?

– Ага, смейся-смейся, как ты мутанта этого привёл в группу, так и начались непонятки.

– Не мутанта, а альбиноса.

– Какая, блин, разница! – скривился Румын. – Ты же сам говорил, что у него родители на атомной станции работают.

– Ну и что? – удивился Сашка.

– Да ничего, – раздражённо ответил Румын. – Просто терпеть таких не могу, приходят на всё готовое и пальцы гнут... До его появления у нас проблем не было.

– Не было или ты просто не знал о них? – невозмутимо спросил Сашка, и Ромка не нашёлся что ответить. – И вообще, хватит гнать на Златку, пока не поговорили с ней. И Миху оставь в покое, а то у меня ощущение, что кое-кто тут сцены ревности закатывает.

– А ты, я смотрю, не закатываешь... Давно ли успокоился, Саня?

– Как понял, что не светит ничего, так и успокоился и тебе, Ромыч, советую. Мы ж как братья для неё, неужто не ясно? А будешь давить, только испортишь всё.

– Ага, – не сдавался Ромка, – братьев, значит, можно в тёмную пользоваться, да?

– Давай дождёмся, послушаем, а затем выводы будем делать, – миролюбиво предложил Сашка и в очередной раз посмотрел на часы, которые, наконец-то, показали половину шестого вечера. – Тем более, сейчас ПС-19 от Кошкино отчалит, может она там, едет уже...

Они стояли у левого борта «Адмирала Лунина» и смотрели, как старенький катер спешит пересечь фарватер, чтобы успеть до шести часов вернуться обратно, пока не началась вечерняя разводка железнодорожного моста, пока вереница танкеров класса «река—море», сухогрузов и самоходных барж, подтянувшихся с Азова, не перекрыла реку. И думали сейчас Сашка с Ромкой примерно об одном: что если не приедет Златка этим катером, то шансов дождаться её уже почти не будет, ведь следующая ходка с того берега часа через полтора, не раньше, после того, как закончится разводка, а это слишком поздно.

По широкой дуге речной трамвайчик подходил к пристани. Марьванна привычно ловким движением накидывала швартовый конец, не давая течению утащить катер от причальной стенки... Небольшая группка пассажиров сходила на берег, разбредаясь по своим делам: кто на завод, кто на пляж. Их места, неспешно рассаживаясь, занимала встречная кучка людей... Дико взвыла сирена коротким гудком, распугивая местных мальчишек, что облепили корму в надежде прокатиться в пенном буруне, уцепившись за катер. Но начеку бдительная Марьванна: заученно строгим голосом прикрикнула она, всем видом показывая, что сейчас, мол, взберётся на корму, и посыпалась в воду весёлой гурьбой ребятня, соблюдая традиционный, из года в год, из поколения в поколение, нерушимый ритуал прохода катера... Снова взвизгнула сирена и старенький ПС-19 поспешил прочь, торопясь вернуться на правый берег перед разводкой моста...

– Нет её... Ну и что теперь делать будем? – недовольно спросил Ромка, но ответить ему Сашка не успел – за их спиной, с правого борта призывно посигналила машина.

– Кого там нелёгкая принесла? – бурчал Румын, переходя на правый борт, и очень удивился, свесившись с верхней палубы. – Оп-паньки... Саня, посмотри-ка, кто с ней!

Внизу недалеко от причальной стенки, прямо напротив «Адмирала Лунина» стояла чёрная «Субару», а рядом, задрав головы – Златка с Михой.

– Ну, я же говорил, что она приедет, – облегчённо ответил Рыжий и, махнув рукой, крикнул. – Поднимайтесь к нам, трап внизу!

– А я вот не понял, как он на машине через шлагбаум проехал, почему его дед пропустил?! – возмущённо повернулся к нему Ромка.

– Не тупи, Ром, твой дед не его пропустил, а Златку. Ты же знаешь, она ведь кого хочешь приболтает.

– Ага... и нас сейчас заодно.

– Дурак ты, Ромка, – вздохнул Рыжий, – хотел бы я, чтобы она тебя сейчас приболтала. Вот только предчувствие у меня нехорошее... – мрачно посмотрел он на друга.

– Саля-молекула, пацаны!

Златка легко поднималась по корабельной лестнице, и, шагнув на верхнюю палубу, первым делом пошутила над их встречными приветствиями:

– Такое ощущение, мальчики, что вы меня совсем не ждали сегодня, – оценивающе скользнув по угрюмому Ромке, она насмешливо остановилась взглядом на Рыжем. – Что случилось, Саня, где же твой радостный вопль? – хитро улыбалась она, и Сашка в ответ сдержанно улыбался ей. – Я тут, понимаешь, всю дорогу Михе рассказываю о том, как ты обычно встречаешь меня на пиратском корабле, а никакой радости-то и нет, меня игнорируют!

– Доктор, почему меня все игнорируют? – всё так же смешливо спросила она у Ромки.

– Я думал, это ты нас игнорируешь, – пробубнил он, не сводя взгляд со знакомых мужских часов на её руке.

Эти часы, которые раньше он видел на Михе, её упоминание о нём, тот факт, что приехали они вместе, и смутные подозрения, почему она не появилась вчера, будоражили Ромку сейчас гораздо сильнее, чем даже обида за пропущенное «Нашествие».

– Ура! Я не одна такая! – смеялась Златка, давая ему и себе шанс. – Наверное, поэтому мы вместе, как думаешь, Ромочка?

– Ага... вот об этом и хотелось бы поговорить, – впервые в жизни не ломался под её мягким напором упрямый Ромка. – В каком месте мы вместе, а в каком врозь...

– Неплохо тут у вас, – невозмутимо оглядываясь по сторонам, встрял в разговор Миха из-за Златкиной спины. – Экскурсию проведёте? Больше никого, я так понимаю, на этой посудине нет? – скорее всего, он пытался таким образом разрядить обстановку, но вышло всё с точностью до наоборот.

– Для кого посудина, а для кого вход по пригласительным, – взъерепенился Ромка. – Что, вообще, здесь этот... делает? Опять нос суёт не в свои дела?

– Он со мной, – недоумённо вскинула брови Златка.

– И часики, смотрю, его с тобой, да? По утрам надев часы, не забудьте про трусы, да? – обида неожиданно взорвалась таким мутным гневом, что он даже не понял, куда его занесло. – Договорились же, не водить сюда всяких... женишков.

Набычившись, словно перед дракой, он в упор уставился на Миху, ведь окончательно сорваться на него было много легче, чем на Златку. Однако все его глупые слова били именно по ней.

– Ромыч, заткнись, ты что несёшь?! – опешил Рыжий.

– Зануда ты, Румын, – легко согласилась Златка и мелькнувшая было нотка сожаления спряталась за той привычной усмешкой, которой отсекала она от себя всё, что мешало ей жить. – Хочешь поговорить? Ну, говори, если есть о чём...

– Только давай тогда так, – чуть прищурившись, перебила она Ромку, который уже собрался что-то ответить, – говорить будешь сразу и по существу. И без этих вот наездов

на моего молодого человека, а то будешь дело со мной иметь... И ещё у меня времени мало, у нас с Мишей романтическое свидание ещё не закончилось после вчерашнего, так что ты не тяни, нам ещё к нему домой через весь город ехать, – наотмашь, с оттяжкой, хлестала она словами по самому больному.

Ошарашенный услышанным не меньше других, Миха изумлённо смотрел, как она спокойно достаёт из своего маленького рюкзачка сигареты, Рыжий растерянно молчал, понимая, что этим всё не закончится, а Ромка побагровел, словно наполучал пощёчин. Златка же невозмутимо бросила рюкзачок на старый шезлонг и вызывающе спокойно спросила:

– Ну же, Рома, не молчи, чем я тебя обидела-то, дружочек? – и хотя Ромка замолчал, похоже, надолго, Златку уже было не остановить. – Я так понимаю, ты о «Нашествии» поговорить хотел? Тебя что именно возмутило, то, что мы туда не поехали, или то, что я об этом не сказала? А если бы я сказала, и мы не поехали, было бы лучше, да?

– Было бы честнее... – выдавил из себя Ромка.

– А я всегда честно говорю, зачем мне нужен «Архиблэк». И это не я, Ромочка, заливала ролик «Мамы...» на сайт фестиваля, а ты. И, кстати, тоже не спросил, как я отношусь к этому, потому что знал, что я против!

– Это я залил ролик, – признался Рыжий.

– Замечательно, Саша, только зачем ты мои контакты там оставил? Почему звонили и писали мне, а не вам?

– А разве это так важно? – тихо спросил Сашка. – Разве ты и мы не вместе? Дело ведь не в том, что мы такой шанс профукали вместе с «Нашествием», а в том, что ты даже не сказала никому про то, что нас наконец-то заметили.

– Да. Я сама приняла решение. Вас пожалела. Я бы туда всё равно не поехала, а вы бы переживали, – отрезала Златка.

– Ага... Так может нам ещё и поблагодарить тебя надо? – резко спросил Ромка. – За то, что с детства носимся за твоим Микки Маусом, а ты наплевала на нас?

– О! Заговорил, дружочек мой, – мгновенно отреагировала она, ведь мстить Ромке за его агрессию ей было легче, чем отвечать на тихие вопросы Сашки, потому и не церемонилась. – А я не просила тебя за мной носиться. И благодарности свои оставь при себе, Ромочка, перетопчусь как-нибудь и без них.

– Может, и без меня перетопчешься? – угрюмо спросил он.

– Если ты так настаиваешь... – нарочито равнодушно пожалала она плечами, и только Миха, который стоял сзади, видел, как нервно теребит она в пальцах забытую и от того даже не прикуренную сигарету.

– Ты меня увезёшь отсюда? – обернулась она к нему.

– Конечно.

Недоумённо посмотрев на изломанную сигарету в руке, она швырнула её за борт, подхватила с шезлонга свой рюкзачок и, закинув его за плечо, пошла к лестнице, где на секунду замерев, обернулась:

– Саш, если тебе не трудно, заberi отсюда все мои бумажки по Сурб-Хачу, я к тебе потом за ними зайду. Ладно?

Рыжий молча кивнул, а Румын так и не поднял взгляд. С опрокинутым лицом он смотрел себе под ноги, словно пытался разглядеть сквозь обе палубы «Адмирала Лунина», трюмы и толщу воды, где-то там, на донском дне, тот якорь, под названием «детство», с которого их сейчас нещадно сорвало...

Тихо квакнула автосигнализация. Миха уселся за руль, и, наткнувшись в зеркале заднего вида на её глаза полные слёз, так и не решился шутливо признаться, как рад тому, что неожиданно даже для себя стал её молодым человеком. А она, сидя сзади и отвернувшись в боковое стекло, сквозь слёзы смотрела на корабль, словно прощалась со своим детством, которое теперь

уже навсегда осталось то ли на верхней палубе «Адмирала Лунина», то ли, действительно, где-то на донском дне.

* * *

Ромка достал своей ревностью, но его главные слова жгли той правдой, в которой сгорает любая обида.

«...Он прав, – отрешённо думала Злата. – Пацаны, действительно, всегда носились за моей Мечтой, хотя я никогда не просила об этом. А я наплевала на их надежду, хотя знала, как это важно для них...».

Ещё год назад, когда свалилось на её голову это злосчастное «Нашествие», выбирая между большой мечтой и друзьями, она ни на секунду не задумавшись, выбрала свою Мечту.

...А как ты поступишь сейчас, после этой Ромкиной правды? Сможешь так же легко переступить через друга? – зачем-то спрашивала она себя, хотя знала, что сейчас у неё этого выбора нет.

Дядя Рубик, который подарил ей Мечту, своим последним письмом не оставил возможности выбирать: «...*Неважно, сможем ли мы им помешать, важно, что мы не можем этого не делать. Ты не одна, поверь, но всё теперь в твоих руках...*». После этих слов она просто обязана была всё завершить.

...А Ромка... он не дурак, он всё поймёт... потом, – ненавидя себя, думала она.

Мечта стояла того. Большая красивая мечта о Запорожской казне, что столетиями будоражила многих, теперь принадлежала только ей.

Войсковая казна Запорожской Сечи пропала 235 лет назад. Когда русская армия генерала Петра Текели в начале июня 1775 года по приказу Екатерины Великой внезапно окружила Сечь и под дулами орудий вынудила казаков сдаться на милость победителя, казны в казачьей крепости уже не было. Победитель оказался действительно милостив: казацкой старшине жаловалось дворянство, добровольцев записывали на царскую службу в драгунские и гусарские полки, остальных отпускали на все четыре стороны, запретив самую малость – называться запорожскими казаками. И лишь троих не пощадила императрица: кошевого атамана, войскового судью и сечевого писаря – тех, кто не мог не знать о судьбе Запорожской казны.

Получив доказательства измены, кошевого атамана Петра Калнышевского сослали в Соловецкий монастырь, его товарищей – в Сибирь, и видно так велика была вина атамана, а скорее, так велика была пропавшая Запорожская казна, что заточили кошевого в крохотной каменной келье; и лишь три раза в год – на Рождество, Пасху и Преображение – выпускали атамана из каменного мешка причаститься святых таинств в церкви. И в одночасье прервалось бы заточение, если бы Калнышевский заговорил, но он упрямо молчал в своей одиночке долгих 26 лет. И только внук обидчивой императрицы Александр I помиловал 110-летнего слепого старца, разрешив ему вернуться на родину. Но уже давно некуда было возвращаться престарелому атаману, остался он на Соловках, и спустя два года унёс с собой из жизни все запорожские тайны.

Но это будет потом, а тогда, летом 1775 года издала Екатерина Великая два указа. Первый – манифест «Об уничтожении Запорожской Сечи»:

«Мы восхотѣли чрезъ сіе объявить во всей Нашей Имперіи къ общему извѣстію Нашимъ всѣмъ вѣрноподаннымъ, что 4 Юня Нашимъ Генераль-Порутчикомъ Текелліемъ со ввѣренными ему отъ насъ войсками занята Сѣчь Запорожская въ совершенномъ порядкѣ и полной тишинѣ, безъ всякаго отъ Козаковъ сопротивленія. Нѣтъ теперь болѣе Сѣчи Запорожской въ

политическомъ ея уродствѣ, въ конецъ разрушена оная, со истребленіемъ на будущее время и самага названія Запорожскихъ Козаковъ...»

– *Данъ отъ Рождества Христова тысяща семь сотъ семьдесятъ пятаго года, Августа третьяго дня, а Государствования Нашего четвертагонадесять лѣта.*

Второй указ императрицы проходил по Тайной экспедиции¹⁴ при Сенате, поручал экспедитору Фёдору Глебовичу Немцову собрать особую команду верных охотников для поиска Запорожской казны и доказательств измены кошевого атамана и в своей публичной части строго приказывал «всѣмъ вѣрноподаннымъ», невзирая на чины и звания, беспрекословно оказывать содействие «гвардіи капитану Немцову» и не чинить ему и людям его препятствий под страхом смертной казни.

Свою сечевую казну запорожцы собирали все 250 лет существования днепровского казачества. Военные трофеи, добыча в походах, грабительские набеги на соседние страны, жалование московских царей и польских королей – всё делилось между церковью, участниками походов и сечевым товариществом или *Льцарством*, как звали себя сами запорожцы. Сокровищ скопилось немало, поэтому только самых надёжных «испытанных товарищей¹⁵» отбирали в закрытую касту скарбников или казначеев; страшной клятвой отрекались они от личного владения золотом; получали свой тайный знак отличия – золотую монету с пробитой дыркой, которую носили на шее – и до конца дней своих свято блюли интересы товарищества: охраняли и прятали войсковую казну, о которой уже тогда ходили легенды.

Видно чувствовал старый лис кошевой атаман Калнышевский, что после подавления пугачёвского бунта наступает очередь Запорожской Сечи, потому как успели, буквально перед носом армии генерала Текели, тайно выйти из Сечи сразу три обоза. Один шёл на юг, в Турцию и тщательно охранялся в пути полусотней испытанных скарбников, другой, в сопровождении десятка молодых казаков Динского куреня, сгинул, пропал, ну а третий, покружив в окрестностях, очевидно, для отвлечения внимания, вернулся в Сечь.

Раздосадованный, что без золота блекнет его бескровная победа в глазах императрицы, Пётр Текели первым делом укрепил сторожевые посты на юге, ведь кроме как на туретчину, некуда больше было бежать казакам, разослал повсюду разведчиков, которые и засекли «золотой» обоз. Погони избежать казначеям не удалось, рубились они до последнего с царскими драгунами, полегли все до единого, но клятве своей не изменили. Обоз был схвачен, и Запорожская казна в тридцати осмоленных дубовых бочонках, размещённых на трёх возах, была опечатана императорскими офицерами, согласно высочайшему приказу, без вскрытия. Под усиленной охраной казну перегрузили и спешно отправили в Санкт-Петербург, но когда в Тайной экспедиции бочки вскрыли, генерал Текели пришёл в ярость, узнав, что привёз императрице песок и камни с острова Хортица. Казачья хитрость удалась. Пока шла охота на псевдоказну, пока доставляли её в российскую столицу... За два месяца настоящий «золотой» обоз смог бесследно затеряться, а значит, смерть самых верных сечевых *льцарей* не стала напрасной.

Пока летели депеши из столицы в войска, пока собирал команду и спешно скакал на юг империи экспедитор Немцов, второй «золотой обоз» из Запорожской Сечи тайком, по ночам, днём укрываясь в оврагах и зарослях, везли на восток в дикое поле, приазовскую степь, туда, где, как грибы после дождя, росли русские крепости пограничной линии перед большой войной с турками и где казну меньше всего могли ждать и искать.

¹⁴ **Тайная экспедиция** – орган политического сыска в Российской империи (1762—1801).

¹⁵ **«Испытанные товарищи»** – костяк запорожского казачества состоял из «*товарищей*» (больше 3-х лет в войске), «*испытанных товарищей*» (больше 7 лет в войске) и «*значных товарищей*» (испытанные товарищи, имеющие выдающиеся заслуги перед войском).

Три повозки, запряжённые парой волов каждая, с тридцатью осмолёнными двухпудовыми бочонками, наполненными, как считалось, золотыми дукатами, ювелирными украшениями и драгоценными камнями, сопровождали три скарбника и десяток проверенных молодых казаков Динского куреня. Динской или Донской курень Запорожского Войска был одним из старейших полков Сечи, в котором несли службу только выходцы с Дона. И этот выбор «золотого» конвоя был не случаен: ведь на своём пути мог обогнуть пересечь земли Всевеликого Войска Донского, а значит, договариваться с донскими казаками, по задумке кошевого атамана, землякам будет легче.

Пробирался обоз к реке Кальмиус, где у переправы стоял лагерь запорожский полковник Осип Глыба с двумя сотнями своих казаков. Давным-давно указом Сената Кальмиус объявлен был границей между Донским Войском и Сечью, и потому находились здесь самые дальние заставы и хутора запорожцев. Выгодной была эта переправа для Запорожской Сечи. За известную пошлину позволял Осип Глыба ногайцам, татарам и другим крымчакам переходить брод через Кальмиус со скотом, который пасли они всё лето в приазовской степи, что по мирному договору 1700 года принадлежала России. В этом и был главный замысел: укрыться под защитой запорожского полковника, пересидеть до осени, и когда схлынула бы основная масса кочевников обратно в Крым, затерялся бы «золотой» обоз среди многотысячных стад и отар и беспрепятственно бы ушёл сначала в слабый, но ещё независимый от России ханский Крым, а затем, морем – в Турцию, где тайно обещал султан кошевому атаману земли в устье Дуная или Бессарабии в обмен на войско против России и подданство Османской империи.

Жертвовал собой 85-летний кошевой атаман Калнышевский ради сохранения Сечи, потому и уговорил товарищей сдаться без боя войскам императрицы. И вроде получалось всё им задуманное, больше пяти тысяч казаков ушли в османскую Бессарабию, чтобы потом основать Задунайскую Сечь, да и «золотой» обоз, как и планировал атаман, беспрепятственно добрался до Кальмиуса. Но дальше отвернулся православный Бог от запорожцев: две напасти свалились на них – чума и Фёдор Немцов. И неизвестно ещё, какая напасть была страшнее.

С весны 1775 года бушевала в русских крепостях пограничной линии от Таганрога до самого Днепра, что отделяла Запорожье от Крыма, эпидемия чумы, выкашивая гарнизоны и казачьи лагеря на границе империи. И хотя почти каждый гарнизон потерял в то лето от трети до половины своего состава, была обезлюдевшая граница на таком замке, как никогда раньше – в страхе бежали от неё вглубь Крыма все кочевники, не решаясь идти к переправе через Кальмиус.

Умер от чумы полковник Осип Глыба, замерла жизнь в запорожских хуторах у брода, где прятался «золотой» обоз, когда в середине сентября в приазовских степях появился экспедитор Немцов. Был Фёдор Глебович одним из самых опытных сыщиков империи, государево дело знал, а потому быстро взял след на Запорожье, который и привёл его в Приазовье. Железной рукой и царским указом навёл он порядок на опустевшей границе, ввёл строжайшие карантинные правила, главное из которых было – остановить всякое сношение между очагами чумы, оттого первым делом у всех поселений возводились виселицы для наказания тех, кто пытался покинуть гиблые места.

Хуже нет, чем ждать и догонять, но если экспедитор Немцов знал, за чем гонится и был готов обуздать ради этого даже чуму, то сечевые казначеи уже не знали, чего им ждать в своём временном схроне: рушились все планы и замыслы, гибли вокруг хуторяне, и поэтому, когда умерли от чумы сразу три казака Динского куреня, решил «золотой» конвой искать спасения на Дону, что наказывал им кошевой атаман лишь в крайнем случае.

Двинулись, как всегда, ночью, днём скрываясь в балках, пытаясь обойти дикой степью Таганрогскую линию укреплений и крепость Св. Дмитрия Ростовского, что перегораживали им путь в столицу Войска Донского. Приближаться не решались даже к удалённым хуторам, ибо

на всех дорогах стояли карантинные заставы. Но всё равно терял обоз в пути своих разведчиков, которые, рискуя, днём пытались найти безопасную дорогу к Черкасску. И когда у рыбацкой деревни Аксай, где тогда большей частью жили украинцы, занимаясь рыбной ловлей и торговлей на казачьей земле, по их доносу схватили и повесили с обоих концов деревни двух разведчиков, приняв за беженцев с заражённых мест, решили казначеи схоронить свой обоз на месте последней стоянки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.